ЗАПИСКИ ГРАФИНИ АНТОНИНЫ ДМИТРІЕВНЫ БЛУДОВОЙ.

Хорошо помню я зиму съ 1829 на 1830-й годъ, помню по счастливому семейному спокойствію, по веселому, бодрому собственному моему настроенію, по юношеской полнотѣ наслажденія всѣмъ прекраснымъ и въ книгахъ, и въ природѣ, и въ окружавшихъ людяхъ. Помню наслажденіе, съ которомъ читала я Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина, Козлова, наслажденіе, съ которымъ въ театрѣ смотрѣла Фингала, и особенно Димитрія Донскаго; наслажденіе, съ которымъ читала я Фенелона, Боссюэта, и особенно введеніе въ философію Бакона, примѣняя къ жизни высокія начала, которыя онъ такъ ясно и просто излагалъ (и которыя самъ къ своей жизни такъ мало примѣнялъ). Сухость и трудность первыхъ уроковъ я еще недавно преодолѣла, и теперь я вступала въ блескъ, и свѣтъ, и гармонію, въ лучезарный міръ творчества человѣческаго, въ міръ поэзіи и науки, изучая словесность разныхъ вѣковъ и народовъ, кого въ подлинникахъ, кого въ геніальныхъ переводахъ, творя себѣ друзей, и совѣтниковъ, и путеводителей изъ новыхъ и древнихъ писателей, которые такъ живо говорили моему воображенію, что казались мнѣ короткими, милыми знакомыми, къ которымъ будто уходила я посидѣть, потолковать часто, часто и, разставаясь, говорила: „до свиданья!“ *Книги* у насъ всегда были въ большомъ почетѣ. Отецъ мой только на книги и позволялъ себѣ расходы. Онъ вообще считалъ *бережливость* обязанностію семьянина, и еще болѣе человѣка служащаго на *видномъ* мѣстѣ. Онъ говорилъ, что министръ, или товарищъ министра напримѣръ, не можетъ и не долженъ быть слѣпымъ орудіемъ ничьимъ; что пока должность требуетъ только переписыванія чужихъ мыслей, исполненія чужихъ порученій и воли, разумѣется, отвѣтственности нѣтъ еще никакой; но когда доходишь до рѣшенія дѣла, до устройства такой или другой части, до принятія общихъ мѣръ, словомъ *до управленія*, то честному человѣку уже дѣйствовать нельзя иначе, какъ по своимъ *твердо сознаннымъ убѣжденіямъ*, и если эти убѣжденія не раздѣляетъ правительство, то не должно соглашаться дѣйствовать противъ нихъ. Тогда остается то, что̀ батюшка называлъ ultima ratio министровъ—подача въ отставку. А для подачи въ отставку требуется, чтобъ человѣкъ не дорожилъ своимъ мѣстомъ, чтобъ не боялся, оставивъ службу, пойдти по міру [1]). Въ высшихъ должностяхъ надобно быть самостоятельнымъ и матеріально независимымъ; а чтобъ сохранить такую независимость, необходимо всегда жить по своимъ личнымъ средствамъ, употребляя получаемый на службѣ окладъ лишь на тѣ расходы, которые зависятъ отъ служебнаго положенія и потому могутъ быть легко оставлены вмѣстѣ съ этимъ положеніемъ. Вотъ почему, предоставляя матери моей все хозяйство, онъ на себя очень мало тратилъ. Одну роскошь только позволялъ онъ себѣ, это книги. Когда матушка хотѣла сдѣлать ему подарокъ, она отыскивала вновь вышедшую книгу, или старое рѣдкое изданіе. Почти всякую недѣлю онъ заходилъ въ книжныя лавки и, послѣ своей длинной, двухъчасовой прогулки передъ обѣдомъ, приходилъ бывало съ пакетомъ завернутымъ въ коришневую или синюю бумагу, перутянутую бичевкою. Это ужъ были знакомые пакеты, и мы бывало смотримъ съ любопытствомъ и надеждою, почти съ жадностію: не для насъ ли? Не такія ли книги онъ принесъ, которыя намъ дадутъ? Часто бывали дѣтскія книги; но когда и не для насъ, то все таки было весело развязать бичевку, развернуть коришневую бумагу, прочесть названіе, и просто полюбоваться

[1]) Того же правила держался гр. А. Р. Воронцовъ, см. автобіографію его въ 5-й кн. Арх. Кн. Воронцова, стр. 8. *П. Б.*

и порадоваться на ихъ видъ, этихъ милыхъ книгъ, этихъ новыхъ знакомыхъ, которые со временемъ будутъ старые друзья. Особенно Англійскихъ книгъ много приносилъ батюшка. Тогда Bulwer былъ въ самомъ разгарѣ своей литературной дѣятельности. Его романы, сочиненія Вальтеръ-Скота, Купера и многіе мемуары и собранія пйсемъ извѣстныхъ политическихъ или литературныхъ дѣятелей были дорогими новинками для насъ; а выписывалъ ихъ батюшка большею частію по рецензіямъ Litterary-Gazette, очень хорошо веденному библіографическому и критическому журналу, который и онъ, и наша гувернантка (m-lle du Tour), и мы съ сестрой читали съ большимъ удовольствіемъ, почти съ увлеченіемъ: такъ хорошо онъ былъ писанъ и такъ интересно составленъ. Матушка не знала поанглійски и читала эти книги въ переводѣ; для нея батюшка приносилъ и читалъ Русскія и Французскія книги, которыя не всегда намъ дозволялись, хотя въ то время еще не была въ модѣ растрёпанная литература, и матушка до конца жизни своей не любила читать неприличные романы, а батюшкѣ и въ мысль не приходило приносить ей такого рода гостинца. Но они оба и m-elle du Tour находили, что вообще Французскіе романы слишкомъ безполезны для насъ и разслабляютъ воображеніе, вертясь всегда въ кругу салонной жизни. Теперь они не разслабляютъ, а горячатъ и маряютъ воображеніе, что̀ конечно не лучше. Намъ однако̀ читали, съ большими пропусками, Cinq Mars и нѣкоторые мемуары про Вандейскую войну, которые увлекали насъ до высшей степени. А новыя Русскія книги! Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали мы появленія новаго стихотворенія Жуковскаго, Козлова, продолженія Евгенія Онѣгина! Все это было такимъ живымъ, насущнымъ наслажденіемъ и, такъ сказать, *частью жизни нашей, происшествіемъ семейнымъ*. А тамъ музыка, новая опера, вновь исполненная въ концертѣ симфонія великаго композитора! А радость, съ которою разъигрывались на клавикордахъ въ 2 или 4 руки или цѣлыя партитуры и дуэты, или тріо съ скрипкой, на которой дядя мой Александръ Александровичъ Поликарповъ игралъ съ талантомъ, бріо (brio), и увлекательностію великаго виртуоза. И все это было общимъ интересомъ, общимъ наслажденіемъ всей семьи и соединяло насъ всѣхъ одними мыслями, одними занятіями, въ часы отдохновенія, послѣ обѣда и вечеромъ. Утромъ же всѣ были заняты работою. Матушка хозяйствомъ, дѣлами своего имѣнія и рукодѣліемъ; отецъ службою, мы дѣти уроками и приготовленіемъ къ урокамъ. День казался такъ коротокъ: хотѣлось удержать время, продлить еще хоть на половину сутки! Я такъ понимаю Англійскую поговорку Try to catch time by the forelock (старайся поймать время за чубъ), и мнѣ такъ и видѣлось оно, съ своими крыльями, косою и чубомъ, летѣвшее досадно-быстро и высоко. Впрочемъ это желаніе остановить или умножить часы дня у меня осталось и понынѣ. Удивляюсь, какъ люди успѣваютъ все исполнить въ теченіи 16—17 часовъ, а что̀ значитъ надобность *убивать* время, не постижимо для меня доселѣ. Братья были еще маленькіе, иногда бывали трудны и скучны имъ уроки; особенно начатки Латинскаго языка тяготили память меньшаго брата, который пародировалъ такъ стихи Гейне:

Am Fenster stand der Mentor,
Im Bette lag der Sohn.
Willst du nicht aufstehen, Wadim,
Zu nehmen die Lection?
—Ich bin so müd, Herr Mentor,
Dass ich nicht hör', noch seh'.
Ich denk'an Julius Cesar,
Da macht das Herz mir weh.

Но Юлія Цесаря и Корнелія Непота надо было разбирать, потому что отецъ мой требовалъ, чтобъ братья учились Латинскому и Греческому языкамъ, и на возраженія нѣкоторыхъ нашихъ зна-

комыхъ, спрашивавшихъ „на что?“, онъ всегда отвѣчалъ: „не для того собственно, чтобъ читать въ оригиналѣ величайшія творенія человѣческаго ума въ древности, творенія, которыя легли въ основу всей новѣйшей словесности, но *особенно* для привычки преодолѣвать трудности, изучать конструкцію языка, словомъ для *гимнастики ума.*“

Мы же съ сестрой читали древнихъ только въ переводахъ Англійскихъ, и съ большимъ наслажденіемъ; я перечитывала Langhorn' овы жизнеописанія Плутарха нѣсколько разъ въ годъ, и онъ занимаетъ почетное мѣсто въ моемъ шкапѣ понынѣ: мнѣ весело смотрѣть на его голубую брошировку и теперь. Лидіи было 14 лѣтъ, а мнѣ 16; но она не только не отставала отъ меня, напротивъ перегоняла, и всѣ наши уроки мы брали вмѣстѣ. Большую часть ихъ продолжала давать намъ m-elle du Tour, и присутствовала на всѣхъ тѣхъ, которые преподавались учителями. Учителей мы любили, какъ любили книги, съ живымъ чувствомъ любознательной признательности; они были для насъ родные и друзья. Особенно же мы любили уроки Нѣмецкаго языка, или литературу Эртеля, который преподавалъ съ живостію и увлеченіемъ человѣка, положившаго свою душу въ предметъ свой, а такая любовь къ своему дѣлу всегда сообщается слушателямъ. Не знаю, какъ по теперешнему бы нашли его методъ (по нашему говорили методу) нагляднаго преподаванія маленькимъ дѣтямъ, *Tabellen* съ рисунками и краткими фразами, которыя служили примѣрами грамматическими; но литературу преподавалъ онъ прекрасно, и вижу теперь передъ собой его оживленные, умные глаза, и быстрые жесты, и добродушное выраженіе полнаго, круглаго лица. Онъ давалъ уроки тоже дѣтямъ Государя и восхищался даровитою натурою Великой Княжны Маріи Николаевны; ей былъ тогда одиннадцатый годъ, и онъ увѣрялъ, что, не будь она царскою дочерью, она бы была великимъ поэтомъ.

Другой любимый нашъ учитель былъ Иванъ Яковлевичъ Телешевъ. Воспитанникъ Казанскаго университета, онъ работалъ при Николаѣ Михайловичѣ Карамзинѣ, по его Исторіи, и былъ рекомендованъ, такъ сказать, *завѣщанъ* имъ батюшкѣ. Онъ служилъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, въ Департаментѣ Иностранныхъ Исповѣданій, и потомъ перешелъ вмѣстѣ съ Департаментомъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, какъ секретарь отца моего или скорѣе какъ правитель его *личной*, собственной канцеляріи. Занимаясь такимъ образомъ и историческими рукописями, и всѣми секретными дѣлами, которыя ему поручалъ Государь, помимо министерскихъ, Телешевъ тоже работалъ съ батюшкою надъ собраніемъ, приведеніемъ въ порядокъ и печатаніемъ XII неоконченнаго тома Исторіи Карамзина. У Телешева была душа самая пылкая, нѣжная, *женственная* и, какъ у Ленскаго,

Всегда восторженная рѣчь.

Онъ любилъ Карамзина до обожанія и читалъ съ нами его Исторію съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ, что любо было такъ учиться. Онъ былъ не богатъ, и эти уроки, въ часы свободные отъ службы, помогали ему въ матеріальномъ отношеніи, и съ тѣмъ вмѣстѣ сблизили его съ нашей семьей, гдѣ онъ скоро сталъ своимъ человѣкомъ. Много клеветы разнеслось о немъ, много лѣтъ послѣ, когда онъ служилъ въ Курскѣ; но по моему убѣжденію это была сущая клевета, и для меня, знавшей его столько лѣтъ, такъ близко, не было сомнѣнія въ правдивости его, когда онъ писалъ: „Повѣрьте, я остался честнымъ человѣкомъ, я не запятналъ себя, я не долженъ краснѣть при имени Карамзина и отца вашего, которые мнѣ вѣрили и меня уважали“. Зная его, какъ мы его знали, эти слова стоили очистительной присяги, и отецъ мой повѣрилъ имъ.

Уроки Французской литературы Сенъ Тома (S-t Thomas) интересовали насъ тоже очень, но самъ учитель былъ мнѣ

весьма не симпатиченъ, и остался для насъ просто учителемъ aux cachets [2]).

Музыкѣ, т. е. игрѣ на клавикордахъ, училъ насъ Charles Meyer, хорошій пьянистъ, хорошій учитель, но сухой, чопорный, и до сихъ поръ мнѣ кажется безъ таланта, не смотря на его блистательную, холодную игру. Помню одно ничтожное обстоятельство, но которое, въ другой, или лучше сказать *въ другихъ* формахъ, повторялось и со мной, и на моихъ глазахъ съ другими, и всегда одинаково на меня дѣйствуетъ. Я очень любила музыку и, любя ее, разумѣется обращала главное вниманіе на *выраженіе*, которое по моему передавало мысль сочинителя, а выдѣлкой пассажей, отчетливостію игры я гораздо меньше занималась. Мейеръ меня постоянно журилъ за это, и конечно былъ правъ; но однажды онъ вышелъ изъ терпѣнія, слушая мой урокъ, и воскликнулъ: „Vous bredonillez, mademoiselle; oui, vous avez de l'expression, mais l'expression ne mène à rien. Vous aurez beau faire, vous ne jouerez jamais bien“ [3]). Я совсѣмъ не обидѣлась, я это очень твердо помню; но я въ самомъ дѣлѣ согласилась съ нимъ. Я въ душѣ убѣдилась, что *никогда* не буду въ состояніи выучиться и просто перестала играть, сказавъ ему: „Если *никогда* не могу дойти до порядочной игры, такъ безполезно учиться“. Мейеръ принялъ это за дерзость, m-lle du Tour тоже, матушка тоже: меня побранили, наказали и заставили продолжать уроки. Но это съ моей стороны было не что иное какъ *безнадежность* и логическій выводъ изъ положенія, высказаннаго учителемъ. Если нѣтъ способности, и всѣ старанія *не приведутъ къ цѣли*, на что терять время и трудъ? Сколько разъ такимъ строгимъ утвержденіемъ отнимаютъ силы и бодрость въ другихъ важныхъ дѣйствіяхъ человѣка, людей, цѣлыхъ сословій? Это губительная привычка; системой нельзя назвать, ибо, надѣюсь, что никто *обдуманно* не станетъ такъ воспитывать ни ребенка, ни работника, ни цѣлый народъ. Для всякаго труда, для всякаго придвиженія къ цѣли нужна бодрость духа, нужна вѣра въ свои силы, нужна увѣренность въ достиженіи идеала, каковъ бы онъ ни былъ, отъ исполненія сонаты или постройки избы до славы Отечества или побѣды въ сраженіи. Une bataille est perdue, quand on croit l'avoir perdue avant le moment décisif [4]). Вотъ одно изъ главныхъ золъ и неисчислимый вредъ духа отрицанія, духа сомнѣнія, который такъ скоро растлѣваетъ человѣка и народы. Вотъ почему такъ ошибочна привычка только журить за неуспѣшныя дѣйствія и не хвалить за добрыя, за старанія, за успѣхъ. Поощреніе нужно не по сущности своей, но какъ подспорье, какъ тычинка, какъ рюмка вина для поддержанія силъ.

Въ этомъ смыслѣ награды на службѣ, чины, кресты, и т. д. полезны. Особенно же ласковое слово, выраженіе одобренія, сочувствія, уваженія, сказанное въ свое время ребенку или труженику, творятъ чудеса, и это не всегда истекаетъ изъ мелочнаго чувства, это не всегда самолюбіе; напротивъ, часто это бываетъ нужно, чтобъ успокоить и укрѣпить *слишкомъ* скромныя натуры, чтобъ поднять духъ легко унывающихъ людей, недовѣрчивыхъ къ самимъ себѣ.

Учителемъ пѣнія былъ у меня Сапіенца (Sapienza) хорошій учитель, первый сформировавшій знаменитый *Шереметевскій хоръ* и самого регента, столь извѣстнаго въ Петербургѣ Ламакина. У меня былъ такой небольшой и слабый голосъ, что я могла только вторить или пѣть водевильные куплеты, чѣмъ и занималась я въ послѣдствіи на домашнемъ театрѣ; но все таки эти уроки, равно какъ и пѣніе хоромъ, развивали

[2]) По билету.

[3]) Вы неровно играете. Да! У васъ игра выразительная, но выраженіе ни къ чему не ведетъ, и какъ вы ни старайтесь, вы никогда не будете хорошо играть.

[4]) Сраженіе проиграно, когда прежде рѣшительной минуты думаешь, что оно проиграно.

понятіе и вкусъ музыкальные; и все это занимало время и мысли въ художественномъ направленіи, облагораживающемъ и возвышающемъ надъ мелочными заботами самолюбія, въ которое такъ легко впадаешь въ отрочествѣ, среди великосвѣтской обстановки. Долго, долго послѣ случалось намъ, и сестрѣ, и мнѣ, и многимъ моимъ знакомымъ, искать убѣжища въ музыкѣ отъ гнета дѣйствительности, когда пошлость вокругъ одолѣвала, или мелкія огорченія тревожили душу сознаніемъ какого-то моральнаго униженія отъ эгоизма, вызывающаго ихъ. Сядешь за клавикорды, развернешь тетрадь Моцарта или Бетховена, или возмешь Оберона, Вильгельмъ Теля, Пирата или Мегюля — играешь, играешь, разбираешь партитуру, повторяешь любимыя аріи, и поютъ, и растутъ, и летятъ, и заливаются звуки, и развивается гармоническая фраза, и сливаются аккорды съ голосомъ, и уносятъ они тебя далеко, высоко надъ всѣми облаками дыма и испареній земныхъ, въ чистую, лучезарную высь. Тѣ правы, которые требуютъ, чтобъ уроки музыки входили въ воспитаніе, какъ скоро есть мало-мальски способность къ ней въ ребенкѣ; не сдѣлавшись виртуозомъ, самъ лучше оцѣниваешь талантъ въ другихъ, и наслаждаешься всей красой неопредѣленности міра звуковъ. Это міръ идеальный, невещественный, больше нежели всякій другой; а идеалъ нуженъ для человѣка, какъ чистый воздухъ, какъ лѣтняя пора послѣ зимы. Какъ ни убивай стремленіе къ идеалу въ человѣкѣ, если отучишь искать его въ поднебесной, онъ будетъ искать его долу, въ хмелѣ кабака, въ трюфеляхъ Перигора или въ милліонахъ выигрышей на акціяхъ, или спекуляціяхъ другаго рода. Стихи тоже музыка, и художественное направленіе вообще защищаетъ отъ сухости, отъ дряхлости, отъ индеффентизма, и сохраняетъ свѣжесть ума, нѣжность чувствъ, юность воображенія и дорогую способность, даже въ глубокой старости, принимать участіе въ стремленіяхъ новаго времени и жить современною жизнію во всемъ что̀ есть въ ней хорошаго и возвышеннаго. На закатѣ дней своихъ, Жуковскій, Уваровъ, мой отецъ, Алексѣй Ник. Оленинъ, гр. Лубинскій могли бъ сказать словами псалма: „Обновися яко орля юность моя.“ Не завидна ли такая старость?

Наши учителя Петербургскіе однако мало пріучали насъ къ классической музыкѣ. Первыя понятія о ней мы получили въ Дрезденѣ, когда были очень маленькими дѣтьми, отъ m-lle du Tour, съ которой ходили на инструментальные концерты Брюлевскаго дворца и въ придворную церковь короля Саксонскаго. Но мы полюбили ее въ Берлинѣ черезъ учителя нашего Бергера, который презиралъ Мошелеса и Герца; впослѣдствіи мы свыклись съ нимъ, поняли превосходство той музыки, которую онъ любилъ, и его самого полюбили. Онъ былъ живой, съ нервными манерами и движеніями, съ разсѣяннымъ видомъ, оригиналъ-старичекъ, преданный своему искусству, типъ достойный Гофмановской сказки. Онъ не былъ геніальный композиторъ, однако написалъ нѣсколько граціозныхъ и мелодическихъ Lieder ohne Worte' [5]) и страстно любилъ классическую музыку. У него была привычка, которую тоже можно назвать классическою, ударять карандашемъ по пальцамъ ученицъ, когда онѣ дурно играли. Искаженіе его любимыхъ композиторовъ выводило его изъ терпѣнья и раздражало нервы болѣзненно. Со мной впрочемъ онъ только попробовалъ разъ. Я оглянулась съ изумленіемъ и перестала играть. Petite rebelle! [6]) воскликнулъ онъ; но я отвѣчала, что у насъ въ семействѣ *не дерутся*. Онъ тотчасъ же опомнился, и съ тѣхъ поръ мы очень подружились, и я доселѣ вспоминаю съ любовію о талантливомъ, восторженномъ старичкѣ, который, бывало, такъ углублялся въ свою игру, что все окру-

[5]) Пѣсни безъ словъ.
[6]) Маленькая бунтовщица.

жавшее исчезало передъ нимъ, и его сморщенный лобъ, кудрявые волосы съ просѣдью, и маленькіе сѣрые глаза преображались въ какую-то фантастическую, отвлеченную отъ всего земнаго, фигуру, съ выраженіемъ глубокой, грустной думы, напоминающей то особенное выраженіе, которое видимъ на челѣ умершихъ, нѣсколько часовъ послѣ ихъ кончины, какъ будто воспоминаніе и уже загробное размышленіе о всей истекшей жизни ихъ! Какая разница, съ холоднымъ, разсчетливымъ, чопорнымъ Charles Meyr'омъ.

Только съ учителями музыки и были у меня недоразумѣнія; со всѣми другими жилось въ мирѣ и дружбѣ, какъ вообще со всѣмъ свѣтомъ нашего малаго кружка того времени. Дѣтей не представляютъ Царскимъ Особамъ, но въ этомъ же году мы въ первый разъ увидѣли близко Государя Николая Павловича и Государыню; ибо въ 1828 году ихъ не было *въ Петербургѣ*, а потомъ былъ трауръ по Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ. За то въ эту зиму дѣтскіе балы бывали довольно часто, и что́ за прелесть была Царская Семья! Сами родители, молодые, привѣтливые, простые въ обращеніи, видимо любовались и радовались дѣтямъ своимъ, перенося часть этой радости и на чужихъ дѣтей. Я никогда не встрѣчала лица человѣческаго, которое бы до такой степени какъ у Николая Павловича мѣнялось въ выраженіи, смотря по состоянію душевному. Его открытая, благородная, отважная натура была не способна на ложь, ни на какую, ни словомъ, ни дѣломъ, ни взглядомъ. Античная правильность въ чертахъ лица, высокій стройный станъ и что-то безсознательно повелительное въ поворотѣ головы, когда онъ, бывало, оглянется, придавали ему строгій и нѣсколько грустный видъ, когда онъ молчалъ или задумывался. Но какъ очаровательно просвѣтлялось и расцвѣтало лицо его, какъ оно *озарялось* при веселой мысли, или нѣжномъ чувствѣ! А въ тѣсномъ дѣтскомъ кругу, глядя на подростающее семейство, радость и нѣжность сіяли въ его глазахъ такимъ чистымъ, тихимъ свѣтомъ, что, казалось, они около себя распространяли свѣтъ и теплоту. И точно онъ могъ съ радостію любоваться на дѣтей своихъ. Что за прелестныя дѣти! [1]) . . Александра Николаевна (выросшая съ лѣтами въ настоящую красавицу), была въ то время почти дурна собой; небольшіе глаза, вздернутый къ верху носъ, тусклый цвѣтъ лица, все было непохоже на блестящую красу молодой Царской Семьи; но даже тогда быстрое, умное, веселое и вмѣстѣ доброе, привѣтливое выраженіе ея личика дѣлали ее миловидною и симпатичною въ высшей степени. Она казалась сотворена для счастія, для дѣятельности, для долгоденствія на землѣ. А именно ея жизнь была скоротечна какъ сонъ. Такъ трудно предвидѣть будущее ребенка!

Константинъ Николаевичъ былъ еще слишкомъ малъ, чтобы являться на дѣтскіе балы. Дѣтскіе балы очень веселы, но особеннолюбили мы частыя встрѣчи съ Наслѣдникомъ и Его товарищами у Мёрдера, котораго семейство жило во дворцѣ, и гдѣ мы бывали по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю. Самъ Мёрдеръ, жена его, дѣти, Жуковскій, Юрьевичъ составляли этотъ кружекъ, да еще Устиновъ, гувернеръ дѣтей кн. Кочубея, мастеръ придумывать и оживлять дѣтскія игры.

Шарады, переодѣванья или просто бѣготня въ *mer agitée* и коршуны, все было такъ весело; потому конечно, что мы были такъ молоды, но потому также, что самая среда была такая привѣтливая, добрая, чистая и простая, исполненная любви къ Царственному Воспитаннику, но безъ малѣйшей тѣни лести, или даже угодливости.

И взрослые, и дѣти были учтивы и почтительны, потому что были *благовоспитаны*, а обращеніе было самое про-

[1]) О живыхъ неловко печатать: пропускаемъ.

стое и непринужденное, истинно *дѣтское*, той поры жизни, когда свѣтскія различія и свѣтскія страстишки еще не существуютъ.

Мнѣ было уже 16 лѣтъ, но братья и сестры и всѣ почти маленькіе пріятели наши были моложе меня гораздо, такъ что нашъ маленькій міръ былъ совсѣмъ дѣтскій.

Въ это же время и на этихъ вечеринкахъ я особенно сошлась съ Іосифомъ Вielьгорскимъ. Онъ былъ старшій изъ соучениковъ Великаго Князя, и изъ всей нашей маленькой компаніи меньше отдаленъ отъ меня годами; да мы видѣлись еще кромѣ дворца въ семействѣ его. Какой свѣтлый образъ оставилъ онъ въ моей памяти! Какія свѣтлыя надежды подавалъ онъ! Веселость ребяческая какъ-то, даже тогда, *оттѣнялась* сдержанностію и разумностію. Нельзя болѣе непринужденно и искренно смѣяться и забавляться мальчику на 14-мъ году, нежели смѣялся нашъ *Жозефъ*, и не встрѣчала я веселости и смѣха болѣе добродушнаго; но онъ въ тоже время не только хорошо учился, онъ любилъ и въ часы досуга поговорить объ урокахъ, о книгахъ, о читаемомъ и пройденномъ, и это-то насъ сблизило. Припоминая то время и тотъ кружекъ, я не могу не замѣтить, какъ дѣти, и отроки, и юноши, и ихъ старшіе умѣли забавляться и смѣяться отъ души, одни отъ полноты молодыхъ силъ, отъ изобилія молодаго здоровья и счастія, отъ безпечности и безсознательной надежды на будущее, отъ всего этаго избытка жизни и разцвѣтанія и роскошнаго роста, которые украшаютъ и обогащаютъ жизнь человѣческую, какъ они украшаютъ жизнь растительную, въ весеннюю пору; другіе же, старшіе, радовались этой *веснѣ* со всею свѣжестію чувства, которое они сохранили такъ живо до конца. Отъ того-то именно, можетъ быть, меня и поражаетъ теперь *грубость пріемовъ*, и вмѣстѣ съ тѣмъ поддѣльность веселости во многихъ кружкахъ дѣтей и юношей. Ирония (persiflage), подсмѣиваніе надъ тѣмъ или другимъ, съ изгнаніемъ наипростѣйшей вѣжливости и всякаго приличія, звучитъ все таки принужденно, и какъ будто эта молодежь выбивается изъ силъ, чтобы веселиться, безъ веселія душевнаго, безъ простоты сердечной. Отъ чего это? Ужъ не отъ того ли, что черезъ чуръ много заботятся о дѣтскомъ воспитаніи? Рано слишкомъ стараются развивать ихъ умъ, слишкомъ усердно хлопочатъ *о методахъ* преподаванія, и содѣлываютъ дѣтей *altklug*, по Нѣмецкому выраженію; между тѣмъ какъ разнузданность и *фанфаронство разврата* (часто вымышленнаго) у старшихъ слишкомъ унижаютъ моральный уровень, вызывая подражательность въ подросткахъ, тянущихся за старшими братьями или дядями? Слышу часто, что вѣжливость есть своего рода *лицемѣріе*, и что честный человѣкъ не нуждается въ ней. Матушка, когда она по старому обычаю учила насъ приличіямъ и учтивости *въ общежительствѣ*, присовокупляла, что истинная вѣжливость есть общее благоволѣніе каждаго человѣка ко всѣмъ людямъ, и что безъ этаго чувства доброжелательства нѣтъ истинной вѣжливости, а съ этимъ чувствомъ нѣтъ лицемѣрія: ибо *благоволѣніе въ человѣцѣхъ* есть первое обѣтованіе Божіе, въ ночь когда родился Спаситель міра, Тотъ Божественный учитель нашъ, Который сказалъ: „Законъ новый даю вамъ, да любите другъ друга“.

Таковое было воззрѣніе на то что называютъ часто la politesse chinoise, а по нынѣшней модѣ надобно бы назвать учтивость *„выраженіемъ гуманности“*. Можетъ быть, такое названіе примирило бы наше время съ пріемами благовоспитанныхъ людей прошлаго поколѣнія. Впрочемъ я ворчу, какъ всѣ старые люди, на новые пріемы, а въ сущности они должны же корениться въ прошедшемъ, и слѣдовательно, мы, люди прошлаго, должны быть чѣмъ нибудь виноваты, и вмѣсто обличительныхъ выхо-

докъ скажемъ: *mea culpa* [8]) и возвратимся къ разсказу.

Іосифъ Вѣльгорскій, казалось, поставленъ былъ Провидѣніемъ въ такія близкія отношенія къ Наслѣднику Престола, чтобы со временемъ быть правой рукой Царя, сотрудникомъ Его въ великомъ подвигѣ устроенія и направленіи народа (націи) и управленія страной. Даровитость и прилежаніе, любовь къ труду, серьезность характера, обѣщали большую выдержку въ будущихъ предпріятіяхъ, а нѣжная привязанность къ Цесаревичу вмѣстѣ съ высокимъ благородствомъ души должны были связать его съ Нимъ тѣми крѣпкими узами любви и уваженія другъ къ другу, изъ которыхъ составляется *дружба*, это почти небесное чувство, такъ рѣдко достающееся въ удѣлъ царственнымъ лицамъ.

Гораздо позже, въ послѣдній годъ своей молодой жизни, съ какимъ безкорыстнымъ жаромъ говорилъ онъ мнѣ о Россіи и ея Царской Семьѣ; и какъ смущался, и возмущался, и негодовалъ онъ на все что̀ мало мальски походило на лесть или разсчетъ около нихъ. Къ несчастію онъ простудился во время пожара зимняго Дворца, когда онъ конечно не пожалѣлъ себя; сперва сдѣлался ревматизмъ въ бедрѣ; его стали лечить паровыми ваннами, онъ еще болѣе простудился, болѣзнь перешла на легкія, и хотя его отправили въ Римъ, но надежды не могло быть никакой: молодость для чахоточныхъ не залогъ выздоровленія, а скорѣе приговоръ къ смерти. Онъ изъ Рима уже не воротился живой. Товарищъ его Паткуль живъ, слава Богу; о живыхъ неловко печатать даже доброе.

Былъ другой сверстникъ Жозефа, съ которымъ я сблизилась и подружилась на всю жизнь въ это время и у котораго была такая же благородная, безкорыстная и нѣжная натура; это былъ двоюродный братъ мой Евгеній Александровичъ Поликарповъ, котораго мать его привезла въ Петербургъ и отдала въ пансіонъ Мюральта, на воспитаніе подъ наблюденіемъ отца, между тѣмъ какъ она съ дочерьми оставалась въ деревнѣ для устройства дѣлъ по имѣнію.

Недоставало намъ нашихъ милыхъ Воейковыхъ; онѣ были въ Петербургѣ, но въ Екатерининскомъ Институтѣ, и посѣщеніе ихъ въ комнатѣ г-жи Кремпинъ, гдѣ посидишь, поговоришь полъчаса чинно и принужденно, было тяжело, такъ непохоже на наши вольныя игры, и прогулки, и общія чтенія; а свиданія черезъ рѣшетку въ большой пріемной залѣ были еще хуже: даже самыя институтскія платья и пелеринки и рукавчики, все это было такъ формально, что тѣснило сердце и парализировало умъ; мнѣ было больно такъ видѣться съ Катей. Душа все оставалась предана ей безусловно, вѣрно, горячо; но свиданія были сдержанныя, принужденныя, какъ-то офиціальныя, и казалось, что я хожу посѣщать въ заключеніи какого нибудь арестанта подъ присмотромъ полиціи. Кажется, я съ тѣхъ поръ возненавидѣла форменную одежду и эти достопамятные рукавчики, не смотря на ихъ пользу и практичность. Конечно въ послѣдствіи съ другими маленькими дѣтьми, когда сама была уже взрослая, я видалась совершенно непринужденно въ комнатахъ инспектрисы или классной дамой; но тогда, и съ такимъ близкимъ, любимымъ другомъ какъ Катя Воейкова, эти сношенія были для меня невыносимо тягостны, и я больше съ нею переписывалась короткими записочками, чтобы поддержать сношенія, чтобъ знать, что мы живы и здоровы и любимъ другъ друга. Кажется, также непріятно дѣйствовали на Лидію эти визиты въ отношеніи къ Сашѣ Воейковой, которая была ея спеціальнымъ другомъ, хотя она была маленькимъ ребенкомъ и потому скорѣе свыклась съ Институтомъ и менѣе стѣснялась. Алину Козлову и Толстыхъ мы тоже не видали, потому что только у Воейковыхъ встрѣчали ихъ, а другъ къ другу мы не ѣздили. Такимъ образомъ

[8]) Моя вина.

нашъ дѣтскій кругъ совсѣмъ перемѣнился, именно въ то время, когда я уже вступила въ юношество. Но все таки наши новые знакомые были всѣ моложе меня.

Самые милые и близкіе тогда, съ которыми мы на всю жизнь остались въ короткихъ дружественныхъ отношеніяхъ, были Віельгорскіе. Какія у меня отрадныя воспоминанія этаго семейства! Отецъ, Михаилъ Юрьевичъ — даровитая, поэтическая натура, которая отъ времени до времени изливалась въ гармоническихъ звукахъ, передавалась публикѣ въ мелкихъ піесахъ музыкальныхъ, въ романсахъ, которые онъ пѣлъ съ неподражаемымъ увлеченіемъ и страстностью. Михаилъ Юрьевичъ былъ прежде всего композиторъ-музыкантъ, и уже потомъ свѣтскій человѣкъ, остроумый и веселый, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько мистикъ въ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Но вездѣ и всегда онъ былъ тотъ же, человѣкъ добрый, безкорыстный, поэтическій, съ истинно христіанскою любовью ко всѣмъ людямъ-братьямъ, и самый милый, симпатичный во всѣхъ отношеніяхъ, дѣлая изъ дома и семейства своего, среди удушливой пустыни великосвѣтскаго общества, какой-то оазисъ поэтической простоты и непринужденности, гдѣ однако никогда не забывались приличія истинно образованной жизни, приличія, которыя не мѣшаютъ ни веселости, ни свободѣ, но сдерживаютъ ихъ въ границахъ скромности и благовоспитанности, которыя соблюдаютъ эстетическій элементъ равно среди обыденныхъ прозаическихъ занятій жизни и увлеченій молодости и таланта, не дозволяя уму доходить до разгула (ибо и умъ человѣческій способенъ переходить границы изящнаго не менѣе, нежели человѣческія страсти). Жена его, графиня Луиза Карловна, была урожденная принцесса Бирон и, оставшись сиротою, воспитывалась въ Смольномъ Монастырѣ, потомъ была фрейлиной при Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, въ одно время съ моей теткой Марьей Андреевной Поликарповой (тогда княжной Щербатовой). Она въ молодости была, говорятъ, очень романическаго характера, вступила въ бракъ тайно, безъ дозволенія Императрицы, и потому графъ Віельгорскій былъ удаленъ отъ Двора. Они провели нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ своей, въ Курской губерніи, и только когда дѣти стали подростать, воротились въ Петербургъ. Все романическое въ графинѣ отрезвилось, какъ видно, въ это время и перешло въ выкоія добродѣтели семейныя, со всею простотою и преданностію обязанностямъ, которыя свойственны истинно-христіанскимъ отношеніямъ семьи. У нея осталась отъ прежней экзальтаціи только страстность въ ея любви къ дѣтямъ своимъ, и вслѣдствіе того можно сказать *односторонность*: она ревновала ихъ, не хотѣла дозволить никому помогать ей въ ихъ воспитаніи и оставила только старую няню при нихъ, добрую, но простую женщину m-rs Bennet, не имѣя гувернантки. За то она должна была всецѣло отдать себя и все свое время дѣтямъ; и хотя жила очень дружно и хорошо съ мужемъ, однако, пока дѣти были малы, она конечно не находила времени раздѣлять занятія и общественную жизнь его, какъ напримѣръ было съ моею матерью; такъ что, до выѣзда въ свѣтъ дочерей, въ домѣ Віельгорскихъ былъ настоящій *гинкей* на половинѣ графини. Вотъ этотъ-то *гинкей* и оставилъ во мнѣ такія отрадныя воспоминанія не только въ 1829 году, но и потомъ, когда я уже выѣзжала, а Віельгорскіе еще сидѣли за уроками. Графиня Луиза была еще очень хороша собой, живая, дѣятельная, умная и благоразумная, но съ оттѣнкомъ дидактическимъ, или нравоучительнымъ, какъ бываетъ большею частію съ начальницами учебныхъ заведеній; только она была непричастна величавому покровительствующему виду нѣкоторыхъ изъ нихъ; напротивъ, она была привѣтлива и добра до безконечности. Я полюбила ее отъ всей души, а она до конца жизни называла меня своей старшей до-

черью. Ея милый образъ неизгладимо сохранился у меня въ числѣ отрадно-грустныхъ образовъ прошедшаго, живущихъ вѣчно въ самой глубинѣ души, въ этой святой святыхъ, къ которой не прикасаются ни годы, ни обстоятельства, ни утомленіе жизнію, ни новыя привязанности сердца. Старшая дочь Аполлина была еще сущій ребенокъ, съ большими черными глазами изъ тѣхъ, которыхъ взглядъ *лѣзетъ въ душу* по простонародному выраженію. Вторая дѣвочка, Софья, была маленькая красавица съ выраженіемъ ангельской невинности и чистоты, которыхъ никакое прикосновеніе съ горемъ, суетой и пошлостью житейскою не могло погубить въ ней. Есть такіе кристальные ключи, которыхъ струи проходятъ неприкосновенно сквозь глинистыя, грязныя почвы, не теряя своей прозрачной чистоты. Но обѣ сестры, слава Богу, живы, а про живыхъ друзей говорить въ печати неловко. Меньшая Анолита была еще на рукахъ няни, а второй сынъ Миша еле-еле начиналъ ходить.

Часто встрѣчались мы тогда съ Трубецкими. Это было семейство красавцевъ и даровитыхъ дѣтей. Старшіе сыновья были уже скорѣе молодые люди, нежели отроки, и мы подружились со вторымъ Сергѣемъ, во сколько можно подружиться на балахъ и вечеринкахъ, ибо мы не были въѣзжи въ домъ другъ къ другу. Онъ былъ изъ тѣхъ остроумныхъ, веселыхъ и добрыхъ малыхъ, которые весь свой вѣкъ остаются Мишей или Сашей или Колей. Онъ и остался *Сережей* до конца и былъ особенно несчастливъ, или *неудачливъ* (хотѣлось бы выразить понятіе unlucky, которое такъ прискорбно къ нему идетъ). Конечно онъ былъ кругомъ виноватъ во всѣхъ своихъ неудачахъ; но его шалости, какъ ни были они непростительны, сходятъ съ рукъ многимъ, которые не стоятъ бѣднаго Сергѣя Трубецкаго. Въ первой молодости онъ былъ необычайно красивъ, ловокъ, веселъ и блистателенъ во всѣхъ отношеніяхъ какъ по наружности, такъ и по уму; и у него было теплое, доброе сердце и та юношеская безпечность, съ какимъ-то ухарствомъ, которая граничитъ съ отвагой и потому, можетъ быть, плѣняетъ. Онъ былъ *сорви голова*, ему было море по колѣно, и иногда, увы! по той причинѣ, къ которой относится эта поговорка, и кончилъ онъ жизнь безпорядочно, какъ провелъ ее; но онъ никогда не былъ злымъ, ни корыстолюбивымъ, и не пріученъ былъ въ дѣтствѣ къ той моральной выдержкѣ, которая единственно можетъ воспитать въ человѣкѣ вѣрность долгу и стойкость противъ искушеній жизни. Жаль такой даровитой натуры, погибшей изъ за ничего.

Старшая сестра его Елена умерла лѣтъ 16-ти. Другія всѣ живы, кажется, и сохранили замѣчательно долго свою красоту.

Еще съ однимъ семействомъ мы очень коротко познакомились и видались очень часто, съ семействомъ княгини * * * Мужа она лишилась самоубійствомъ и осталась съ 6-тью малолѣтними дѣтьми въ крайне-стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Братъ пріютилъ ее у себя въ домѣ; по крайней мѣрѣ такъ мы ее застали. Она была еще молода и красавица собой, добрая мать и достойная всякаго уваженія по своему поведенію, стараніямъ о дѣтяхъ и покорности волѣ Божіей, съ которою она принимала всѣ заботы и затрудненія, обрушившіяся на нее въ ея вдовствѣ. Но ужъ это былъ не домъ Вѣльгорскихъ; здѣсь мы находились вполнѣ въ великосвѣтской средѣ. Дѣтей держали просто, но изъ экономіи; обучали ихъ тщательно, отказывая себѣ во многомъ пріятномъ, почти необходимомъ, для того чтобъ всѣ крохи употребить на ихъ воспитаніе; но всѣ мысли, всѣхъ въ домѣ, были обращены на успѣхи въ модномъ свѣтѣ и на будущее замужество. Это такъ занимало ихъ, что одна изъ княженъ разсказывала, какъ наканунѣ дня, въ который должна была быть представлена ко Двору, она, ложась спать, вдругъ испугалась

мысли, что умретъ въ ночь, *не дождавшись этаго блаженства.*

Она однако успѣла пожить, потанцовать, помыкать горе, овдовѣть и выдти вторично замужъ, вынося бодро невзгоды и веселяся свѣтомъ и его блескомъ до конца, хотя она была заботливая, по своему, мать и хлопотливая хозяйка. Но одна изъ дочерей княгини не совсѣмъ предавалась теченію; мечты и цѣли ея сестрицъ не удовлетворяли ея души; она была младшая изъ тѣхъ, которыя воспитывались дома (четвертая маленькая была отдана въ Институтъ); она была хороша собой, умна, и у нея были стремленія болѣе идеальныя, нежели блестящій балъ *и какой нибудь* свадебный вѣнецъ. Она чего-то смутно желала, она смутно понимала, что есть что-то повыше и милѣй; но все это было какъ-то неопредѣленно, и мнѣ было жаль ея. Она была однихъ лѣтъ съ Лидіей, мы съ нею и сошлись; это было одно изъ тѣхъ пріятельскихъ отношеній, которыя держатся искренно и тепло до замужества, но, съ перемѣной жизни, какъ-то незамѣтно отпадаютъ, безъ шума, безъ разрыва, безъ особенной боли, какъ падаютъ листья съ дерева осенью. Она вышла замужъ, и мы перестали встрѣчаться, потому что я тогда ужъ мало выѣзжала, а кругъ нашъ былъ не совсѣмъ одинаковъ.

Старшій сынъ княгини былъ упрямъ и не послушливъ, и его въ семьѣ считали какимъ-то чудовищемъ. *Polisson, brigand, mauvais sujet* были часто прилагательныя имена, въ отзывахъ о немъ Французской гувернантки и самой княгини. Изъ него вышелъ, однако, хорошій, добропорядочный человѣкъ, опора семейства; но къ несчастію онъ умеръ очень молодъ, не успѣвъ много сдѣлать пользы семьѣ.

Второй былъ тогда маленькій кудрявый, бойкій красавецъ и балованный ребенокъ. У нихъ видали мы очень часто нашего милаго Василія Алексѣевича Перовскаго, и все такого же добродушнаго, веселаго, такого же пріятеля и *товарища* дѣтей, со всегда готовой шуткой и забавной выдумкой для насъ. Мы тутъ же познакомились съ его младшимъ братомъ, юношей-юнкеромъ; очень красивый, благородной наружности, онъ былъ однако очень застѣнчивъ и неразговорчивъ, такъ что у меня въ памяти осталась только его наружность.

Изъ семейства графа Нессельроде, мы видали въ это время кой-когда сына, Дмитрія, который слылъ, чуть ли не съ пеленокъ, образцовымъ мальчикомъ, остроумнымъ и ученымъ, къ которому мы чувствовали какое-то недоумѣвающее почтеніе, потому что онъ высоко себя держалъ, не снисходя выказывать свои способности такимъ малымъ дѣтямъ какъ братья мои, а больше разговаривалъ съ гувернерами. Хотя я была изъ большихъ, но рѣдко съ нимъ танцовала. За то мы очень любили маленькую *Машу* Нессельроде, отъ которой многіе изъ нашихъ мальчиковъ были безъ памяти; она была такая хорошенькая, свѣженькая, круглолицая, съ синими, ласкающими глазами и бѣлокурыми кудрями; она была кроткая, веселенькая, общая любимица, и я не давно нашла между письмами нашими *Романсъ* Французскій, сочиненіе моего маленькаго брата, которое онъ посвятилъ Машѣ Нессельроде.

Еще видались мы, но не такъ часто какъ лѣтомъ, съ меньшими дѣтьми князя Кочубея, Михаиломъ и Сергѣемъ. Оба были прехорошенькіе мальчики, а у Михаила былъ прекрасный голосъ; за то онъ въ нашихъ шарадахъ игралъ роли пѣвцевъ, гондольеровъ, трубадуровъ; а Сергѣй являлся болѣе въ живыхъ картинахъ. Помню его особенно въ роли отрока *Аннибала*, котораго отецъ его Амалькаръ (старшій братъ, красавецъ тогда, князь Василій) заставляетъ приноситъ клятву во враждѣ къ Риму.

Наши вечернія игры и представленія все отзывались утренними уроками. Сынокъ графини Натальи Викторовны Строгановой, маленькій Гриша, былъ еще такъ малъ, что являлся только въ

картинахъ ради семейныхъ праздниковъ, въ сюрпризѣ дѣдушки или прабабушки Натальи Кириловны Загряжской. Помнится, что онъ и братъ мой Вадимъ сидѣли на ступеняхъ алтаря, у котораго присягалъ Аннибалъ, и представляли *Карѳагенскій народъ*.

Кажется, внуки Катерины Александровны Архаровой, графы Левъ и Владиміръ Соллогубъ еще жили дома, и бывали тоже на этихъ вечеринкахъ, но помню ихъ больше лѣтомъ въ Павловскѣ. Они оба были изъ *большихъ*, особенно Léon, и мы всѣ очень любили ихъ. Оба были умные, способные малые; старшій Léon не дуренъ собой, но мѣшковатъ и неповоротливъ. За то души онъ былъ замѣчательно нѣжной, мягкой и благородной. Онъ умѣлъ быть не только пріятелемъ, *но другомъ* своихъ сверстниковъ, онъ умѣлъ любить безкорыстно, забывая себя для другихъ. Онъ поступилъ на службу военную (не знаю почему) потомъ перешелъ въ статскую. . . . Ужасная болѣзнь сгубила его семейное счастіе и, пострадавъ долгіе годы, онъ умеръ, въ лѣтахъ еще не старыхъ, отъ размягченія мозга. Жаль, глубоко жаль было всѣмъ намъ друзьямъ его молодости, жаль этаго добраго, благороднаго, талантливаго Léon' а, котораго нельзя не любить, и однако смерти каторагo намъ пришлось радоваться, какъ избавленію его отъ невыносимой муки.

Второй Соллогубъ, Владиміръ, сдѣлался извѣстенъ въ нашей литературѣ; онъ былъ тогда очень дуренъ собой, но самый остроумный, бойкій, забавный изъ всѣхъ нашихъ пріятелей, съ которымъ никогда не бывало скучно, котораго всѣ наперерывъ звали къ себѣ на вечеринки, на балы, на гулянья и который все и всѣхъ умѣлъ оживлять и веселить. Надъ нимъ года прошли легко, не затрогивая ни ума, ни веселости его, и по сю пору воображеніе его также живо и свѣжо, разговоръ также остроуменъ, и съ трудомъ вѣрится, глядя на него, что это почтенный дѣдушка, и въ своемъ родѣ праотецъ многочисленнаго семейства, уже въ третьемъ поколѣніи.

Вотъ галерея портретовъ нашего кружка съ 1829 по 1830-й годъ.

Но особенно отрадно и рельефно рисуется дорогое намъ веселое и доброе лице Жуковскаго, котораго продолжали видѣть мы попрежнему часто, у насъ, у гр. Віельгорскихъ, у Мердера, при Дворѣ, иногда и у него самаго въ его квартирѣ Шепелевскаго дворца, гдѣ насъ очень занимали картины, странныя, своеобразныя, съ какимъ-то оттѣнкомъ привидѣній и почти невещественности, какъ баллады; между прочимъ небо, одно небо, безъ земли и безъ моря, неопредѣленное, пустынное, и на немъ только видно, какъ филинъ летитъ. Одна черта въ разговорѣ Жуковскаго была особенно плѣнительна. Онъ, бывало, смѣется хорошимъ, ребяческимъ смѣхомъ, не только шутитъ, *но балагуритъ*, и вдругъ, неожиданно, все это шутовство переходитъ въ нравоучительный примѣръ, въ высокую мысль, въ глубоко-грустное замѣчаніе; а по временамъ его разсказы касались чудесныхъ случаевъ, и онъ умѣлъ уносить васъ въ область загробную или въ поднебесную высь, съ такимъ полнымъ убѣжденіемъ, что иногда онъ казался такимъ же страннымъ и почти сверхъ-естественнымъ, какъ лица въ его разсказахъ.

Все у насъ шло такъ хорошо и счастливо въ ту зиму, какъ вдругъ сестра моя и меньшой братъ Вадимъ занемогли оба нервической горячкой, самой опасной. Отчаявались въ ихъ жизни. Это продолжалось нѣсколько недѣль и было первое глубокое потрясеніе въ моей жизни. Богъ спасъ ихъ однако, но и самая радость выздоровленія не была полною. Братъ былъ такъ изнуренъ, что долго-долго не могъ придти въ нормальное состояніе; я не имѣла тогда понятія о продолжительныхъ послѣдствіяхъ сильнаго тифа; его слабость, легкая глухота и неспособность заняться ничѣмъ, ни даже понимать чтенія, меня приводили въ ужасъ; смотрю, бывало,

на его прекрасное, исхудалое, почти прозрачное, блѣдное личико, когда онъ сидитъ, согнувшись впередъ, или приклонивъ къ стулу усталую голову, и глядитъ какимъ-то унылымъ взоромъ въ даль, какъ будто видитъ что-то намъ невидимое, и не отвѣчаетъ, или кивнетъ тихо головой въ отвѣтъ; смотрю, и страшная мысль промелькнетъ: „Ну если, услышавъ наши горячія настойчивыя страстныя молитвы, Господь даровалъ ребенку только *жизнь*; а мы, не вѣдая чего просимъ, вымолили жизнь разслабленную, вялую, безсознательную, жизнь физическую, лишенную способностей ума?“

Эта пытка продолжалась недѣль пять-шесть, наконецъ онъ какъ-будто очнулся: глаза зажглися прежнимъ веселымъ, свѣтлымъ, взглядомъ, щеки заалѣли, и онъ опять сталъ смѣяться шуткамъ нашего милаго Жуковскаго, котораго онъ былъ любимецъ и скоро взялся опять за легкіе уроки и за маленькіе разсказы въ брошенныхъ имъ книжкахъ. Какая эта была радость! Какой общій, великій и святой праздникъ на душѣ у всѣхъ насъ!

„Сынъ мой сей мертвъ бѣ, и оживе: изгибль бѣ—и обрѣтеся!“

Но скоро новая забота овладѣла нами: сестра ужасно выросла, вытянулась во время болѣзни, какъ бываетъ въ эти лѣта, но слабость была страшная. У нея голова была совершенно свободна, память и умъ ясны, но она еле держалась на ногахъ; силы не возвращались, и медики стали опасаться, нѣтъ ли поврежденія въ легкихъ, или въ спинной кости. Скоро рѣшили, что нужно ѣхать за границу, нужна консультація со знаменитостями медицинскими; можетъ быть, нужны будутъ морскія купанья, или другія средства укрѣпленія нервъ, или теплый климатъ. Какъ ни было прискорбно разставаться, однако послушались докторовъ, и въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1830 года, матушка съ нами четырьмя, съ нашей гувернанткой m-lle du Tour и съ докторомъ Николаемъ Андреевичемъ Филиповскимъ, поѣхала черезъ Ригу въ Берлинъ, чтобы тамъ совѣтоваться съ докторомъ Грефомъ, славнымъ тогда въ Германіи, отцемъ знаменитаго окулиста.

Перечитывая теперь письма наши того времени, мнѣ самой плохо вѣрится, какъ было утомительно, продолжительно и затруднительно путешествіе изъ Петербурга до границы. По этому думаю, что будетъ небезъинтересно прочитать отрывки изъ этихъ писемъ и сравнить наше время безостановочнаго, быстраго перелета изъ края въ край, съ тѣмъ временемъ (42 года назадъ) когда тащились въ тяжелыхъ каретахъ, по пескамъ или грязи, безъ шоссе, останавливаясь на плохихъ станціяхъ, гдѣ всегда опасались заразиться дѣтскими болѣзнями на квартирѣ семейныхъ почтовыхъ смотрителей, и гдѣ часто цѣлыми часами ждали почтовыхъ лошадей, не смотря на рекомендаціи или *открытые листы* управляющаго почтами Булгакова. Рѣшились миновать Мемель, чтобъ не проѣзжать такъ называемый штрандъ—узкую косу на заливѣ Куришъ-Гафа, по которой ѣздили съ однимъ колесомъ въ водѣ, а другимъ въ мелкомъ пескѣ морскаго берега, длиннаго, пустыннаго.

Положили изъ Риги ѣхать черезъ Ковну и Кенигсбергъ, гдѣ *по картѣ* значилась возможность проѣзда, но не знали, *есть ли почтовая* дорога изъ царства Польскаго въ Пруссію; не знали этаго въ Петербургѣ, *но надѣялись* узнать въ Ригѣ. Поѣхали мы въ 4-хъ мѣстной каретѣ и 4-хъ мѣстной коляскѣ. Съ нами была Русская горничная, матушка Катерина, добрая и вѣрная старая дѣвушка, но отмѣнно глупая; былъ буфетчикъ Иванъ Сергѣевъ, бывшій Суворовскій деньщикъ; былъ и лакей, Иванъ Морозовъ, умный, смѣтливый, на всѣ руки годный, изъ всего умѣющій извлекать пользу, крѣпостной человѣкъ, истинно привязанный къ матери моей, но увы! пьяница. Никто изъ нихъ не зналъ ни слова понѣмецки, и однако же оба мущины умѣли всюду

справиться со своимъ дѣломъ, и понимали, и заставляли себя понимать съ этой особенной способностью Русскаго простолюдина, котораго языкъ (свой родной, никому неизвѣстный) доведетъ не только до Кіева, но до Рима и до Парижа.

Прощаніе съ батюшкой для насъ было глубокимъ горемъ; но онъ надѣялся, къ зимѣ, пріѣхать къ намъ въ отпускъ. Пришлось прощаться съ Дадой (моей няней), съ Гаврилой, съ нашей милой Татьяной Васильевной, съ дядюшкой и его сыномъ Eugèn-омъ. Они насъ проводили до Кипени; мы переночевали тамъ, какъ всегда, оставляя Петербургъ.

Какъ я хорошо помню эти чистыя комнаты, эту сафьянную мебель и эти старыя Англійскія гравюры хорошей красной краской печатанныя (въ родѣ киновари) со сценами изъ Шекспира и Викера Викфильдскаго, которыя всегда насъ дѣтей занимали, которыя я и теперь уже, взрослая, разсматривала съ братьями, влѣзая на стулья и диваны, чтобъ лучше прочитать стихи, мелкимъ скорописнымъ, шрифтомъ печатанные. Тяжело было на душѣ, томительно жаль всѣхъ и всего что̀ оставляли за собой въ Россіи, и все таки не предвидѣли мы тогда всего тяжелаго, печальнаго, невыносимаго, которое должно было пройдтѝ въ эти два безконечные годы, ознаменованные такими тяжкими общественными бѣдствіями для Россіи.

Мы выѣхали изъ Кипени 6-го Іюля 1830. Привожу отрывки изъ нашихъ дорожныхъ писемъ къ моему отцу, и изъ его писемъ къ намъ.

I) «Вайвара, 8-е Іюля, 5 час. утра.

Благодарю тебя за листъ Булгакова [9]), который до сихъ поръ мнѣ не былъ нуженъ. Николай Андреевичъ дѣйствуетъ другимъ талисманомъ; онъ имъ объявляетъ: если не дадутъ лошадей, то я напишу кн. Голицыну [10]); а если дадутъ скоро, то получатъ рубль, и такимъ образомъ вчера въ 9-ть час. вечера мы доѣхали до Вайвары. Дѣти всѣ четверо, благодаря Бога, здоровы; а заразъ, ни сыпей никакихъ не слыхать. Спѣшу скорѣе отправиться, не поможетъ ли Богъ доѣхать до Роппы».

II) *Дерптъ*, 10-го Іюля.

(Мы были задержаны нездоровьемъ матушки) «7-го мы ночевали въ Вайварѣ, гдѣ очень дурной ночлегъ, а потомъ въ Ненналѣ на Чудскомъ озерѣ. Иванъ Морозъ принесъ намъ траву *Kenopodium*, которую онъ называетъ 24-е Іюня, потому что она цвѣтетъ только въ Ивановъ день, и тогда колдуны, прикоснувшись ею къ дверямъ, входятъ куда угодно, потому что никакой замо́къ не устоитъ противъ ея силы. Иванъ очень серіезно все это намъ разсказывалъ, прибавляя только слово «бывало», потому видно, что по его мнѣнію колдуны теперь не существуютъ. Я хотѣла вамъ прислать ее, на образецъ; но Никол. Андр. говоритъ, что запахъ ея очень вреденъ; а Иванъ прибавилъ, что одни колдуны могли только его сносить; а здѣсь m-e Ледебуръ, жена профессора, показывала намъ *Iris Bludowi*, которая теперь отцвѣла, а то бы я вамъ прислала цвѣтокъ вашего имени. *P. S.* Я забыла сказать, что ямщики везли такъ тихо, что Филиповской шелъ за коляской пѣшкомъ. Университетъ, т. е. зданіе, очень нравится мнѣ, и я опять краснѣю за Петербургскій. Лидія находитъ, что всѣ студенты смотрятъ разбойниками. Антонина».

a) «Петербургъ, 9-е Іюля.

По моему расчету, вы теперь близко Дерпта, въ пятницу пріѣдите въ Ригу и, можетъ быть, въ субботу утромъ отправитесь далѣе. Надѣюсь, что вы благополучно придвигаетесь къ границѣ. Я со своей стороны двигаюсь по прежнему т. е. безпрестанно, но все въ одномъ кругу: успѣлъ уже побывать въ трехъ Комитетахъ, однако же, слава Богу, успѣлъ вчера быть у обѣдни. Не останавливались

[9]) Спб. почтдиректора.
[10]) Александру Николаевичу.

ли вы на полтора часа въ Нарвѣ, чтобы отслушать обѣдню и молебенъ Богородицѣ? (8-го Іюля празднуется иконѣ Казанской Божіей Матери, фамильной иконѣ нашей, о которой разсказано во 2-й главѣ моихъ записокъ). Для вѣрности совѣтую тебѣ изъ за границы адресовать письма на имя Штиглица для доставленія ко мнѣ; это безъ сомнѣнія будетъ стоить дороже, но что такое нѣсколько копѣекъ или рублей, въ сравненіи съ тѣмъ мученіемъ, которое я вытерпѣлъ прошлаго года?

Дмитрій Блудовъ».

III) «Рига, 13-го Іюля.

Мы пріѣхали сюда только сегодня въ 10 час. утра; ты удивишься, что мы такъ долго ѣхали, я и сама этого не ожидала, но везутъ ужасно тихо, и задержка въ лошадяхъ. Въ Engelsgardts-Hof-ѣ нашли смотрителя косаго, который объявилъ, что онъ не можетъ дать лошадей и нагрубилъ Николаю Андр. Я ему сказала: что буду жаловаться; онъ мнѣ отвѣчалъ «жалуйтесь кому хотите»; но когда я сказала, очень хорошо, я изъ Риги напишу, чтобъ мой мужъ сказалъ кн. Голицыну, онъ перемѣнилъ тонъ и наконецъ отправилъ въ 10-мъ часу вечера. Хотя запрягли 7-мь лошадей въ карету и 6-ть въ коляску и тащили насъ 19-ть верстъ до 2-го часу, по проселочной мерзкой дорогѣ, я хотѣла продолжать путь до слѣдующей станціи, но и тутъ смотритель нагрубилъ и отказалъ лошадей; обѣщалъ ихъ дать въ 5 час., и такъ мы кое-какъ прилегли. Отправясь сегодня въ 5 час., тащили насъ двѣ станціи до 10-го часу. Еще та неудача, что сегодня воскресенье не нашли никого дома: всѣ по дачамъ. Бар. Палена здѣсь нѣту, и Мойеръ далъ мнѣ письмо къ совѣтнику Петерсону, который также уѣхалъ на дачу. И такъ сегодняшній день совсѣмъ потерянъ; даже на почтѣ не знаютъ, есть ли трактъ съ Маріумполя на Кенигсбергъ. Мы пошли гулять и увидѣли готическую нашу церковь, которую сторожъ намъ открылъ; образа и церковь совсѣмъ на старинный манеръ; она была построена кн. Петромъ Мих. Долгорукимъ, который умеръ 1761 года при Петрѣ III-мъ; онъ былъ генералъ-лейтенантъ, 10 лѣтъ здѣсь губернаторомъ, и похороненъ въ этой церкви, дочь его тоже.

Анна Блудова».

Этотъ путь мнѣ памятенъ до сихъ поръ; я тутъ въ первый разъ очутилась въ Жидовскомъ царствѣ, столь знакомомъ мнѣ съ тѣхъ поръ. Впечатлѣніе было непріятное, отъ ужасающей грязи и лохмотьевъ. Этотъ трактъ (Варшавскій) оставался таковъ и тогда, когда было уже выстроено шоссе. Впечатлѣніе всегда было для меня, и продолжаетъ быть, одинаковое, хотя въ то время женскій нарядъ по крайней мѣрѣ украшалъ и нѣсколько скрывалъ неопрятность Евреекъ; большія шалевыя, или похожія на шалевыя чалмы и что-то въ родѣ кафтановъ или кофтъ придавали имъ восточный характеръ, который шелъ къ типу ихъ смуглыхъ лицъ и черныхъ влажныхъ глазъ [11]). Помню, что особенно въ Кейданахъ очень много было замѣчательно-хорошенькихъ Жидовокъ, и даже одинъ прекрасный собою Еврей, такого чисто-восточнаго типа, съ такими тонкими благородными чертами, что, не смотря на свой засаленный шлафрокъ, онъ намъ показался достойнымъ быть потомкомъ Саладина или другаго рыцаря Сарацынскаго, о которыхъ мы тогда недавно читали съ нашими милыми Воейковыми, въ романѣ Вальтеръ Скота, Талисманъ. Мы, съ сестрою и нашими подругами и даже съ братомъ Андреемъ, такъ сживались съ лицами, о которыхъ читали, что олицетворяли ихъ въ нашихъ играхъ, а иногда въ лицахъ встрѣчаемыхъ нами. И такъ Кайданскій Саладинъ проводилъ насъ за нѣсколько копѣекъ въ склепъ стараго монастыря, гдѣ показалъ намъ цѣлый рядъ гробовъ, изъ которыхъ одинъ или два

[11]) Чалмы закрывали имъ волосы, не обезображивая ихъ теперешними парижами и чепцами.

открывалъ, чтобы показать намъ одѣтые въ богатыхъ плятьяхъ, бальзамированные трупы магнатовъ Польскихъ, кажется Радзивиловъ. Но я въ то время еще никогда не видывала мертваго тѣла и не смѣла смотрѣть на этихъ мертвецовъ, *опасаясь испугаться*. Счастливое время, когда не было ни одной сердечной утраты! Воротясь на станцію, я стала приглядываться къ женскимъ чалмамъ, переняла ихъ форму, надѣла шаль свою такимъ образомъ на голову и прислонилась на подоконникъ открытаго окошка. Разумѣется, всѣ женщины мѣстечка собрались толпою подъ окномъ глазѣть, къ нашему великому удовольствію, всѣхъ четырехъ дѣтей. Сперва мы очень смѣялись; потомъ, вглядѣвшись въ эти красивыя лица Евреекъ, меня взяла великая жалость о нихъ, какое-то тоскливое желаніе обратить ихъ въ христіанство, просвѣтить ихъ свѣтомъ истины. Тотъ чудный, чистый міръ поэзіи, въ которомъ привыкли мы жить въ часы досуга, отражался на все видѣнное нами, и я теперь вполнѣ сознаю, сколько онъ возвышалъ дѣйствительность. — Въ Инстербургѣ мы отдыхали на почтовой станціи. У смотрителя была молодая хорошенькая жена съ 2-хъ лѣтнимъ ребенкомъ; тутъ мы видѣли, какъ легко поэтическое настроеніе и любовь къ изящному могутъ сочетаться съ исполненіемъ самыхъ прозаическихъ обязанностей, въ тѣсной рамкѣ почти бѣдной жизни, которая конечно отъ этого не теряетъ. Молодая смотрительша засучила рукава, надѣла толстый передникъ и, безъ всякихъ ужимокъ, просто и охотно, пошла въ кухню варить намъ обѣдъ, уступивъ намъ свою маленькую гостиную; мебель самая простая, далеко не комфортабельная, но занавѣски бѣлыя какъ снѣгъ, простые цвѣты въ горшкахъ на окошкахъ и небольшой шкапикъ, въ которомъ сквозь стекла виднѣлись книги, тщательно, хоть просто переплетенныя, Шиллеръ, Гёте, Виландъ, Кернеръ, всѣ мои любимые поэты, и нѣсколько религіозно-назидательныхъ сочиненій въ прозѣ, да собраніе разныхъ брошюръ про Наполеоновскія воины. А между тѣмъ и обѣдъ былъ вкусный, и масло свѣжо, и послѣ обѣда хорошія сытно-откормленныя лошади стояли запряженныя минута въ минуту къ назначенному часу, когда мы кончили пить кофей, горячій, вкусный, душистый. Послѣ Еврейскихъ ужасовъ такое было отрадное впечатлѣніе, что я помню всѣ подробности на этой станціи.

Въ Кенигсбергѣ мы нашли гравированные и раскрашенные портреты (la nouveauté de la veille) Леопольда съ его уже прошедшимъ титуломъ Leopold von Saxen-Coburg, Regent von Griechenland [12]). А нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ былъ опять избранникомъ народнымъ (или лучше сказать, дипломатическимъ) Бельгійцевъ. Эти избранія на вновь устроенные престолы можно назвать скорѣе международными, нежели народными. Правительства, дипломатія, чужестранныя, признавая, скрѣпя сердце, торжество или необходимость національнаго переворота, ухищрялись заключить въ самыя тѣсныя рамки высвободившіяся народности, и составляли списки кандидатовъ на престолъ, для выбора не истинно народнаго, но такой или другой партіи. Когда говорили Метерниху, что онъ заключаетъ Грековъ въ такія тѣсныя границы, что это королевство не можетъ быть долговѣчно, онъ отвѣчалъ: Quand on se décide à souffrir un mal, il faut qu'il soit le plus petit possible [13]). Тогда еще смѣялись надъ Ганеманомъ и не вѣрили, что и гомеопатическія лекарства могутъ содержать ядъ. Во время конференцій о Бельгіи разсказывали, что внучка князя Талейрана, ребенокъ 10 или 12 лѣтъ, заучивъ наизустъ сатирическіе куплеты, пришла спросить у дѣда что̀ такое значитъ:

---

[12]) Леопольдъ Саксенъ-Кобургскій, регентъ Греціи.

[13]) Когда рѣшаются допустить зло, надобно стараться, чтобъ оно было по возможности самое малое.

Vous qui faites des protocoles,
Comme on fait de petits patés [14]).

Но эта послѣдняя политическая стряпня вышла удачнѣе для Бельгіи, благодаря умѣнію короля Леопольда. Несчастная Грецiя напротивъ испила всю чашу этого *умѣреннаго зла*, которое такъ искусно изготовилъ и смѣшалъ для нея князь Метернихъ.

23 Іюля пріѣхали мы въ Берлинъ.

IV). „25 Іюля, Берлинъ.

Наконецъ былъ у меня докторъ Грефе. Онъ сказалъ, что болѣзнь Лидиньки почти ничего; но, видя ея быстрый ростъ и блѣдный цвѣтъ, онъ совѣтуетъ лечить ее дома здѣсь подъ его, Грефе, надзоромъ. Я право не знаю, на что рѣшиться и жду его втораго визита; хочу просить, чтобъ онъ рѣшительно сказалъ, беретъ ли онъ на свою отвѣтственность, что она здѣсь вылечится, и только въ этомъ случаѣ я могу рѣшиться остаться здѣсь.

Не знаю что въ душѣ у Грефа, это отъ насъ закрыто, а наружность его мнѣ очень полюбилась, и кажется, что онъ съ большимъ участіемъ относится къ больнымъ».

Такъ писала матушка на второй день нашего пріѣзда въ Берлинъ. Въ послѣдствіи была консультація съ докторомъ Блюммеромъ, который нашелъ, что нѣтъ поврежденія въ спинной кости, ни въ легкихъ, а ничто иное какъ слабость мускуловъ, и было рѣшено нанять квартиру и остаться въ Берлинѣ. Это было 24-го Іюля (5 Августа новаго стиля) т. е. шесть дней послѣ славной Іюльской революціи въ Парижѣ; но тогда не было ни телеграфовъ, ни желѣзныхъ дорогъ: въ Берлинѣ ничего не знали кромѣ сильнаго волненія въ умахъ, а въ П.-Бургѣ и то не было извѣстно. Отецъ мой писалъ къ матушкѣ отъ 25 Іюля только о внутреннихъ дѣлахъ:

б) «Государь собирается въ Финляндію, Закревскій ѣдетъ съ нимъ. Да! подумай, Дашковъ ѣдетъ также, но не въ Финляндію, а въ отпускъ на два мѣсяца, и Министерство Юстиціи покуда поручается мнѣ; я сей часъ получилъ объ этомъ указъ. Покоряясь волѣ Государя, я однакоже не безъ содроганія думаю объ этомъ страшномъ, новомъ умноженіи работъ, особливо когда вспомню о своей хилости. Дай Богъ не осрамить себя.» [15])

Между тѣмъ до насъ въ Берлинѣ стали доходить тревожныя извѣстія, которыя сильно меня интересовали. Я съ дѣтства страстно любила исторію, а вотъ уже съ 28 года, съ объявленія войны Турціи, исторія совершалась, такъ сказать, въ очію у меня, и я сама присутствовала, какъ зрительница въ первыхъ ложахъ, при великой исторической драмѣ современной. Я писала батюшкѣ:

V). „Берлинъ 24 Іюля (5 Августа).

Что вы скажете о Карлѣ X и о его уничтоженіи свободы печати? Говорятъ, чуть не сдѣлалось возстаніе въ Парижѣ. Это конечно стоитъ возстанія въ Албаніи, которому впрочемъ я очень рада: пускай достается Туркамъ.

P. S. Какое ваше мнѣніе о событіяхъ во Франціи? Всѣ работники въ тѣхъ типографіяхъ, которыя закрыли за то, что печатали оппозиціонные журналы послѣ королевской прокламаціи (ordonnance), сдѣлали возмуще-

[14]) Вы, которые такъ скоро стряпаете протоколы засѣданій, какъ на кухнѣ стряпаютъ пирожки.

[15]) Батюшкѣ было тогда 45 лѣтъ, онъ былъ товарищъ Министра Просвѣщенія кн. Ливена, и въ должности главноуправляющаго Департаментомъ Иностранныхъ Исповѣданій, которымъ, какъ протестантъ, не могъ завѣдывать кн. Ливенъ. Я выписываю эти строчки изъ письма отца моего потому, что онѣ характеризуютъ его въ отношеніи къ его служебной дѣятельности. Въ полной силѣ лѣтъ, съ замѣчательной способностью къ умственному труду, онъ такъ строго смотрѣлъ на себя, такъ добросовѣстно относился къ обязанностямъ государственнаго человѣка, такъ глубоко сознавалъ отвѣтственность честнаго дѣятеля политическаго передъ своимъ Государемъ и своимъ Отечествомъ (хотя и нѣтъ у насъ офиціальной отвѣтственности министровъ), что страшился увеличенія власти, не смотря на лестную сторону такого знака довѣрія.

ніе: три полка пристали къ бунтовщикамъ и составили національную гвардію подъ командою старика Лафайета, а Брогліе собралъ 60 перовъ (pairs de France), чтобы представить королю адресъ, въ которомъ собираются прямо сказать ему, что если Е. В. не отмѣнитъ послѣднихъ своихъ приказаній, скоро будетъ конецъ Монархіи во Франціи».

Когда вѣсти эти дошли до П.-Бурга, батюшка писалъ, отъ 2-го Августа:

в) «Благодаря Бога, у насъ все здорово и спокойно. Государь поѣхалъ въ Финляндію въ ночь 30-го на 31-е; но вѣроятно, что до отъѣзда за нѣсколько часовъ успѣлъ узнать о новыхъ Французскихъ происшествіяхъ. Что за дѣла тамъ дѣлаются? Счастливы мы, счастливы тѣ, которые не родились Французами! Ихъ государство въ такомъ положеніи, что честному и добросовѣстному человѣку можно только развѣ сложа руки ждать смерти, не приставая ни къ которой сторонѣ; съ одной король, ниспровергающій законы утвержденные его собственными священнѣйшими обѣщаніями и клятвами; съ другой законодательная камера, которая дѣйствуетъ какъ клубъ мятежниковъ. Многіе подозрѣваютъ, что въ самомъ совѣтѣ Карла X были измѣнники, и подлинно поступки его и министровъ такъ странны, что ихъ едва ли можно изъяснить однимъ безумствомъ. — У насъ нѣтъ почти ничего новаго. Государь возвратился изъ Финляндіи. Закревскій возведенъ въ достоинство графа, Великаго Княжества Финляндскаго. Ребиндеръ получилъ Александровскую ленту и проч. проч. Да! и здѣсь одна Дубенская, не знаю дочь ли сенатора или другая, пожалована во фрейлины къ Великой Княжнѣ Маріи Николаевнѣ».

Между тѣмъ, не смотря на весь интересъ современныхъ событій, моя молодость и неприкосновенность къ Россіи этихъ событій не позволяли мнѣ слишкомъ принимать ихъ къ сердцу, и мы съ сестрою отъ всей души отдавались наслажденію прекрасной музыкой, которую часто слышали въ Opernhaus'ѣ, гдѣ оркестръ и хоры были великолѣпны, а солисты пѣли добросовѣстно, нѣкоторые даже хорошо.

Я писала отъ 25-го Іюля:

VI). «Мы были вчера въ Іосифѣ Мегюля, и я съ Лиденькой плакали съ самаго поднятія занавѣса: исторія такъ хороша; мнѣ право кажется, что она самая лучшая въ Вѣтхомъ Завѣтѣ, а музыка!—она достойна сюжета; ее лучше, я думаю, нельзя хвалить. Какой оркестръ прекрасный! Quel ensemble! Помните ли вы хоръ Израильтянъ при восхожденіи солнца? Эта молитва безъ аккомпанимента такъ живо мнѣ напомнила наше церковное пѣніе. Тутъ забываешь театръ, и мысли невольно стремятся къ небу. Я не могла простить Іосифу, что онъ не молится съ самаго начала, а цѣлые полчаса все вспоминаетъ дѣтство. Послѣдняя арія, гдѣ Іосифъ прощаетъ Симеона, прекрасна, и Баеръ ее очень хорошо пѣлъ. А сегодня мы все утро провели въ лавкѣ Julius Kuhr'a, гдѣ продаютъ гравюры. Между ними есть такія чудныя. Лидія выбрала себѣ для подарка, который вы поручили маменькѣ передать ей отъ васъ: Моленіе о чашѣ Карло Долче, великолѣпно гравированное. Мы наконецъ нашли портретъ Monsieur de Bonchamp, который Лиденька такъ желала имѣть во время ея тяжелой болѣзни, и братья его подарили ей.

Я тоже купила для нея портретъ Великаго Князя; я его сравнивала съ портретами Duc de Bordeaux и маленькаго Принца Кумберландскаго: оба прехорошенькіе мальчики, но они ничего въ сравненіи съ Александромъ Николаевичемъ, хотя этотъ портретъ не совсѣмъ похожъ. Мы тоже видѣли у Kuhr'a нѣсколько старинныхъ картинъ, между прочимъ портретъ знаменитой монахини Катерины, которая вышла замужъ за Лютера. У нея лице довольно пріятное, но тогдашній Нѣмецкій костюмъ придаетъ ей видъ пастора-проповѣдника. А карикатуры, карикатуры, какія есть забавныя—хочу нѣкоторыя послать къ вамъ съ Николаемъ Андреевичемъ».

Эти карикатуры всѣ относились къ революціи въ Парижѣ, о которой уже доходили весьма тревожныя извѣстія. Нашъ докторъ Николай Андреевичъ Филиповскій взялъ съ собой нѣсколько этихъ карикатуръ и выписки и вырѣзки изъ тогдашнихъ Французскихъ журналовъ, которые мы брали изъ кондитерской Kranzler'a Unter den Linden и которыхъ батюшка въ Петербургѣ не получалъ.

Французы остались почти тѣми же, и черезъ сорокъ лѣтъ почти тѣже шутки повторяютъ ихъ журналы. Нѣтъ сомнѣнія по крайней мѣрѣ, что ихъ предводители въ революціяхъ такимъ же точно ходульнымъ слогомъ обращаются къ народу, будь ихъ имя Gambetta или Odilon Barrot..... Напримѣръ (1-го Августа) прокламація этого послѣдняго: „La nation est debout parée de ses couleurs nationales conquises au prix de son sang. Elle veut un gouvernement et des lois dignes d'elle. Quel peuple au monde a mieux mérité la liberté!.....“[16])

Совершенно такой же слогъ нашла я нынче 1871 года во Французскихъ воззваніяхъ послѣ всѣхъ пораженій Французской арміи и всѣхъ гнусностей Парижскаго населенія. Почти совершенно такою же, какъ была сорокъ лѣтъ назадъ, нашла я тоже кондитерскую Kranzler'a; прежній хозяинъ умеръ, но сыновья его продолжаютъ торговлю, и только маленькая наружная терасса, гдѣ пьютъ кофе и ѣдятъ мороженое, теперь прибавлена къ лавкѣ, какъ единственная дань времени, которое постоянно передѣлываетъ и измѣняетъ все и всѣхъ, но которому благоразумные люди и народы уступаютъ только осторожно и постепенно, какъ кондитерская Kranzler'a.

Такимъ образомъ, еще почти въ дѣтскомъ возрастѣ, сестра и я начали увлекаться политическими событіями и полемикой. Мы читали ежедневно *Le Figaro* и *La Silouette*, шуточные и карикатурные журналы, а вскорѣ стала выходить *La Mode*, хорошо писанный журналъ, который перешелъ въ политическій, чисто легитимистскій органъ de Madame (герцогини Беррійской) и къ которому мы скоро пристрастились подъ обаяніемъ поэзіи его преданности малолѣтнему, королю Генриху V (Comte de Chambord) и его матери, еще молодой, отважной, еще не запятнанной тогда своимъ легкомысліемъ, регентшѣ герцогинѣ Беррійской. Эта вѣрность къ изгнанному царственному ребенку, законному наслѣднику престола, эта мужественная, безкорыстная борьба его приверженцевъ, это безбоязненное довѣріе, съ которымъ герцогиня кинулась въ войну среди возставшаго Вандейскаго населенія, напоминали намъ романы Валтера Скота, которыхъ чтеніе было для насъ такимъ праздникомъ, недавно передъ тѣмъ.

Но среди этого умственнаго возбужденія иностранной политической печати, мы бѣдствовали въ полномъ оскудѣніи умственной пищи родной. Какъ уже видно по первымъ письмамъ, почтовыя сношенія были весьма трудныя и медленныя въ то время. Книги наши мы должны были оставить въ Петербургѣ для отправленія транспортомъ. Въ самомъ Берлинѣ тогда и въ голову не приходило книгопродавцамъ держать Русскія книги, которыхъ бы никто не покупалъ; въ посольствѣ нашемъ ихъ было также мало, какъ и у книгопродавцевъ. Графъ Алопеусъ и бар. Мальтицъ не занимались Русской литературой; у насъ не было никого знакомыхъ въ посольствѣ и, разумѣется, въ незнакомые домы не было особенной причины приходить знакомиться. Въ послѣдствіи матушка очень сошлась съ семействомъ Мальтица; и онъ и жена были добрые и умные люди. Съ княземъ Сергѣемъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ, мы всѣ, даже дѣти, скоро и близко подружились. Высокій, смуглый, серьезный, онъ съ пер-

[16]) Народъ всталъ на ноги, украшенный своимъ національнымъ знаменемъ, завоеваннымъ цѣною крови; онъ требуетъ правительства и законовъ его достойныхъ. Укажите въ цѣломъ мірѣ народъ, который умѣлъ лучше заслужить свободу!

ваго взгляда меня немножко испугалъ; онъ мнѣ показался или суровымъ, или несчастнымъ. Вышло напротивъ, что у него было очень много того настроенія ума, которое Англичане называютъ humour. Его мѣткія замѣчанія, наблюдательность и добродушная иронія часто заставляли насъ улыбнуться надъ ближнимъ можетъ быть, но не смѣяться надъ нимъ. Не знаю, такъ ли выражаю свою мысль, но и у иныхъ людей шутка не переходитъ въ колкость, и маленькіе недостатки или смѣшныя стороны человѣка они подмѣтятъ такъ добродушно-весело, что нѣтъ и тѣни осужденія въ этомъ замѣчаніи. Къ числу этихъ людей принадлежалъ кн. Долгорукій, и сверхъ того онъ былъ совершенно Русскій, т. е. православный, и мы молились и говѣли вмѣстѣ въ нашей церкви. Онъ, однако, не долго оставался въ Берлинѣ, и скоро отправили мы съ нимъ письма въ Россію. Не помню, когда пріѣхалъ Иванъ Петровичъ Озеровъ. Онъ былъ веселый и разговорчивый, подвижной и дѣятельный столько, сколько Долгорукій былъ молчаливъ и серіозенъ, хотя не уступалъ ему въ добротѣ сердечной и услужливости къ матушкѣ, въ случаяхъ нужды. Старшимъ секретаремъ тогда былъ Бергъ, хорошо воспитанный, учтивый, но такой сдержанный, что, видѣвшись съ нимъ въ продолженіи двухъ лѣтъ, я никогда не могла составить себѣ никакого мнѣнія о немъ. Но со всѣми этими господами познакомились мы гораздо послѣ; первое время матушка приходила почти въ отчаяніе. Она писала:

VII). „31-го Іюля 1830 г.

Надѣюсь на Бога, но мнѣ очень грустно; желаю одного, по благополучномъ исцѣленіи милой Лиденьки, возвратиться въ отечество и съ покаяніемъ кончить жизнь. Сегодня вечеромъ отправляется Николай Андреевичъ (Филиповской) въ Любекъ, а оттуда на пароходъ, и, счастливый человѣкъ, черезъ 12 дней уже будетъ въ Петербургѣ. Поблагодари его хорошенько: онъ насъ очень берегъ и былъ мнѣ весьма полезенъ. Безъ него не знаю, что бы я сдѣлала, не зная языка и не имѣя знакомыхъ здѣсь никого совершенно. Алопеусъ, правда, четыре дня какъ пріѣхалъ; но не только не былъ у меня, но даже не прислалъ провѣдать. Я послала къ нему сказать, что пріѣхала и прошу его мнѣ дать знать, когда отправитъ курьера; онъ отвѣчалъ, что курьеръ ѣдетъ черезъ часъ: вотъ все его вниманіе».

VIII). „7-го Августа.

Докторъ Грефъ обѣщалъ мнѣ прислать хорошаго Латинскаго учителя, также Нѣмецкаго и математики, а учителя Русскаго я чувствую, что ты не пришлешь; хотѣлъ скоро вслѣдъ за мной прислать, но ужъ объ этомъ и не говоришь. Книги тоже не получены. Сегодня мнѣ Мальтицъ принесъ три нумера Инвалида, и я принуждена была заставить мальчиковъ ихъ читать, чтобъ они не забыли порусски, не имѣя никакой Русской книги».

IX). «Еслибъ вы знали какъ здѣсь скучно (писала сестра) вотъ уже недѣля, какъ мы живемъ здѣсь безъ книгъ, и не имѣемъ никакого занятія, кромѣ гулянья по улицѣ; и гулять даже здѣсь не очень пріятно, ибо Пруссаки такъ не учтивы, что не могутъ пройти мимо васъ не толкая» [17]).

Старшій братъ Андрей вторилъ ей:

X). «Мнѣ здѣсь очень скучно, потому что у насъ нѣтъ книгъ, и я очень жалѣю, что мы не въ Любекѣ, куда поѣхалъ Николай Андреевичъ, ибо тамъ ихъ можно скорѣе получить».

Такъ милы и необходимы были для насъ наши книги. Впрочемъ изъ насъ братъ Андрей всѣхъ бо ьше любилъ ихъ; ему было тогда 12 лѣтъ; бывало нельзя было его оторвать отъ книги, ни заманить никакой игрой, никакой прогулкой. — Между тѣмъ извѣстія изъ Парижа все становились тревожнѣе. Онѣ доходили уже до Петербурга. Батюшка писалъ отъ 11-го Августа 1830 года:

[17]) Берлинское простонародіе и доселѣ таково.

г)«Новости теперь приходятъ съ вашей стороны, но какія? Что дѣлается во Франціи и чего еще надо ожидать въ будущемъ и въ близкомъ будущемъ? Я бѣшусь, страдаю негодованіемъ отъ каждой новой вѣсти, отъ каждаго № газетъ. Сегодня однакоже читалъ съ наслажденіемъ, хотя и печальнымъ, прекрасную рѣчь Штатобріана въ Камерѣ Перовъ. Она достойна его великаго таланта и благородной, истинно-рыцарской души; это, конечно, пѣснь лебедя: послѣ такой рѣчи должно замолчать; воспоминаніе объ ней довольно для остатка жизни. Ce n'est pas seulement un beau discours, c'est une belle action [18]). Посылаю вамъ шесть Русскихъ книгъ: новое изданіе сочиненій Фонъ-Визина и театръ Хмѣльницкаго».

Однако духъ возмущенія распространялся за предѣлы Франціи.

XI). „20-го Августа (1-го Сентября).

Сегодня былъ у меня вечеромъ (писала матушка) князь Реннинъ, который воротился изъ Парижа съ своей невѣстой [19]) и будущей belle-mère; былъ и гр. Алопеусъ, которому я сказывала о всѣхъ наградахъ; онъ радовался, видя по этому, что Государь былъ доволенъ Финляндіей, его родиною; а онъ мнѣ сказалъ, что въ Брюсселѣ было тоже возмущеніе».

XII). „23-го Августа.

Это письмо привезетъ вамъ Сперанскій, котораго мы къ нашему удивленію встрѣтили вчера на Schlossplatz. Странно, что всѣ которые изъ Петербурга поѣхали на пароходѣ, его очень хвалятъ, но возвращаются сухимъ путемъ: такъ дамы, воспитанныя въ монастырѣ, очень хвалятъ тамошнюю жизнь, но своихъ дочерей никогда не отдаютъ въ Смольный. Простите, милый папенька. Какъ Сперанскій счастливъ: онъ ѣдетъ *домой*. Oh, how I long for that loved home! [20]).

Антонина.

P. S. Знаете ли что настоящая причина всѣхъ революцій? La Muette di Portici. Это еще возможно *à la rigueur*, но Алопеусъ ошибся и сказалъ было, что этотъ преступникъ не она, а бѣдный нашъ невинный «Crocciato in Egitto».

Для насъ, еще не посвященныхъ, не скажу въ тайны, но въ обычаи великосвѣтскіе, такія сужденія казались странными. Съ тѣхъ поръ я свыклась съ ними, но все-таки не вѣрится. Отецъ мой былъ того мнѣнія, что конечно искра всегда опасна, но что она только тогда можетъ произвести взрывъ, когда падаетъ на горючій матеріалъ. Онъ полагалъ, что нравственный развратъ, поклоненіе богатству и житейскимъ наслажденіямъ, жадность къ увеселеніямъ, любовь къ роскоши, лѣнь и эгоизмъ составляютъ ту почву, на которой растутъ всевозможные плевелы и сорныя травы, что на подготовленное въ такой школѣ населеніе легко дѣйствуетъ всякая пропаганда революціонная, и печатная, и изустная; но что среди здраваго, дѣятельнаго человѣческаго общества, гораздо опаснѣе всякихъ политическихъ сочиненій тѣ книги, зрѣлища и привычки, которыя развращаютъ нравы и уничтожаютъ семью, которыя ставятъ удовлетвореніе своихъ страстей выше долга и считаютъ слово „обязанность“ отсталымъ выраженіемъ. Въ 1862 году мы были на морскомъ купаньѣ въ Трувилѣ и познакомились съ докторомъ ***, приверженцемъ и близкимъ человѣкомъ къ Луи-Филиппу. Въ его домъ пріѣхалъ бѣжавшій изъ Парижа король, и онъ его тайно проводилъ на лодкѣ до Honfleur'a, откуда король переѣхалъ на корабль, на которомъ отправился въ Англію. Докторъ говорилъ съ почте-

[18]) Это не только блистательная рѣчь, это великодушный поступокъ.

[19]) Молодая графиня Александра Алопеусъ, которая послѣ вышла за Лаферонне и извѣстна по книгѣ: „Le récit d'une soeur“.

[20]) О, какъ я тоскую по этой любезной родинѣ.

ніемъ, привязанностью и грустью о Луи-Филиппѣ и конечно относился враждебно къ Имперіи. Однако онъ сказывалъ намъ, какъ давно и разрушительно дѣйствовали сами правители въ отношеніи къ моральному состоянію народа. Еще при Карлѣ X-мъ, говорилъ онъ, стали обращать вниманіе единственно на политическую печать и систематически поощряли печатаніе и продажу по дешевой цѣнѣ, въ лавкахъ и у разносчиковъ, безнравственныхъ, соблазнительныхъ книгъ и гравюръ. При Луи-Филиппѣ эта система продолжалась, а при Наполеонѣ III-мъ она вполнѣ господствовала, и театры еще болѣе способствовали къ развращенію нравовъ. Франція дошла до такой степени безстыдства и матеріализма, что (говорилъ докторъ ***) я вижу съ ужасомъ паденіе народа (*la décadence de la nation*).

Опасенія доктора оказались слишкомъ справедливыми, но паденіе такое всегда постепенно, и оно начало проявляться гораздо прежде 1862-го года. Многіе признаки уже видны были въ 30-хъ годахъ. Съ свойственнымъ Французамъ желаніемъ распространять повсюду свои мнѣнія и принципы, они стали посылать воззванія и, кажется, даже агентовъ въ сосѣднія государства, начиная съ пограничной Бельгіи, соединенной тогда съ Голландіей, съ которой составляла она королевство Нидерландское. Король только что сосваталъ меньшую дочь свою Маріанну за меньшаго сына короля Прусскаго, принца Альбрехта, а наслѣдникъ Нидерландовъ, блистательный принцъ Оранскій, былъ женатъ на нашей Великой Княжнѣ Аннѣ Павловнѣ. Узнавъ о возмущеніи въ Брюсселѣ Государь (Николай Павловичъ) послалъ довѣреннаго человѣка, генерала Дибича, для конфиденціальныхъ переговоровъ въ Берлинѣ. Онъ хотѣлъ соединенными силами поддержать условія трактата Священнаго Союза, заставивъ Францію остаться въ границахъ назначенныхъ трактатомъ 1815 года; ибо очевидно было, что Французы замышляли возвратить себѣ нѣкоторыя потерянныя провинціи, начиная съ Бельгіи. Батюшка говорилъ намъ, повторяя разсказъ Французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, не помню, кажется *Bourgoing*, что когда онъ принесъ извѣстіе о возмущеніи послѣ coup d'état Карла X-го, Государь былъ прискорбно пораженъ. „Возможно ли, сказалъ онъ, чтобъ король рѣшился дѣйствовать противъ духа и буквы конституціи, на которой онъ присягалъ! Вѣдь это обоюдное условіе скрѣплено клятвою. Вы знаете, что я не любитель конституціоннаго правленія; я не люблю того, что называется равновѣсіе властей: мнѣ кажется, что это вѣчная борьба, положенная въ основаніе управленія, должна непремѣнно приносить съ собою раздраженіе и наконецъ враждебное чувство между Государемъ и его народомъ. Но ужъ разъ связавъ себя клятвою, надобно ея держаться. Я предвижу большія несчастія, потому что это есть потрясеніе довѣрія, т. е. нравственной основы правительствъ".

Таково было искреннее мнѣніе Государя. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, среди волненій въ Польшѣ, когда собраніе Варшавское провозгласило низверженіе Русской династіи, Государь сказалъ: „Я бы самъ сохранилъ конституцію Польскую ради даннаго слова, и положеніе мое было бы крайне затруднительное; но они теперь развязали мнѣ руки и упростили дѣло, разорвавъ своевольно хартію".

И такъ, Государь далеко не одобрялъ дѣйствій Карла X-го; но принцъ крови, ближайшій его родственникъ, обязанный Бурбонамъ возвращеніемъ огромнаго богатства и своего высокаго сана, спѣшилъ принять корону, которая во всякомъ случаѣ должна бы была перейти къ малолѣтнему герцогу Бордосскому, послѣ двухъ отреченій его дѣда и дяди. Такой поступокъ возмутилъ благородную душу Николая Павловича. Этотъ же герцогъ Орлеанскій могъ бы управлять Франціей какъ регентъ, при законныхъ Камерахъ, и Министерствомъ, выбран-

нымъ имъ самимъ, возстановить миръ и согласіе внутри Франціи, законнымъ, благороднымъ образомъ спасти династію, и вмѣстѣ оградить народъ отъ междоусобій и раздробленія на враждебныя партіи. Всѣ уважали Луи-Филиппа и любили семейныя добродѣтели этой отрасли Орлеановъ, столь не похожихъ на своихъ предковъ. Для многихъ, въ томъ числѣ и для Государя, властолюбіе Луи-Филиппа явилось грустнымъ разочарованіемъ. Герцогиня Орлеанская, жена его, умоляла его со слезами отказаться отъ престола, остаться вѣрнымъ долгу присяги и долгу благодарности; старшая дочь его, впослѣдствіи замужемъ за королемъ Леопольдомъ, впала въ бѣлую горячку отъ скорби о поступкѣ отца. Онъ однако принялъ вѣнецъ, и оказалось, что, въ теченіи 15-ти лѣтъ, онъ готовилъ или позволялъ готовить перевороты въ свою пользу [21]). Вотъ причина нерасположенія и антипатіи, съ которой Государь всегда относился къ нему.

Но воевать съ Франціей за ея внутреннія дѣла было невозможно, и только когда увидѣли, что возгласы журналовъ, призывающихъ къ общему возмущенію въ Европѣ, начали осуществляться въ дѣйствіяхъ самого правительства Французскаго, Государю показалось своевременнымъ, если не войною, то по крайней мѣрѣ угрозою, поддержанною военнымъ движеніемъ, поставить преграду завоевательному духу Франціи.

Въ Берлинѣ было много людей благоразумно сдержанныхъ, которые чувствовали, что раны Пруссіи еще не залечились, и что не пришло время разстравлять ихъ опрометчивыми дѣйствіями. Между этими послѣдними былъ и самъ король. Но съ начала было тоже много людей сочувствовавшихъ Русскимъ предложеніямъ. Воспоминанія были живы о бѣдствіяхъ и побѣдахъ Пруссіи. Еще не перевелось то поколѣніе, которое всю душу свою положило въ борьбѣ съ Франціей. Особенно военные люди тревожно смотрѣли на происшествія и помышляли о необходимости предупредить нападеніе старыхъ враговъ. Къ этой минутѣ относится слѣдующее письмо матушки.

XIII). „1830 г. 10 Сентября.

Пишу къ тебѣ съ Мих. Мих. Сперанскимъ, который предложилъ мнѣ свезти мое письмо. Онъ ѣдетъ сегодня или завтра, очень рано, и хотѣлъ зайдти ко мнѣ. Вчера въ театрѣ одна здѣшняя дама, не знаю кто такая, разсказывала мнѣ, какіе принцы сидѣли въ королевской ложѣ, и она же мнѣ сказала, что фамилія вся въ смущеніи, потому что утромъ пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что было возмущеніе въ Брауншвейгѣ и что подожгли дворецъ. Кажется, que la gangrène fait des progrès [22]). Чѣмъ все это кончится? Здѣсь мы живемъ на большой дорогѣ; вчера пріѣхалъ Нессельроде, котораго я видѣла издали, въ ложѣ; не знаю, жена его съ нимъ ли. Бековы сей часъ уѣхали отъ меня, собираются въ Дрезденъ. Замѣть, когда будешь читать Journal des Débats 25-го Августа, каковы всѣ Французы, какъ они грозятъ всей Европѣ и какая гордость, какъ они хотятъ властвовать надъ всѣми и возмущать народъ. Здѣсь въ большомъ восхищеніи отъ Дибича: народу пропасть у трактира Рима (Hôtel de Rome) ожидаютъ, когда онъ выходитъ садиться въ карету и кричатъ ему Vivat съ восторгомъ. Дама, которая вчера сидѣла возлѣ меня, сказала, что они всѣ надѣялись видѣть его въ театрѣ, но къ ихъ сожалѣнію онъ не пріѣхалъ; театръ былъ полонъ». Черезъ недѣлю послѣ я писала къ батюшкѣ:

XIV). «Въ пятницу, $\frac{5}{17}$ Сентября, мы воротились около семи часовъ вечера изъ лавокъ и, выпивъ чай, я сѣла за арфу. Намъ уже сказали поутру, что наканунѣ взятіе въ полицію двухъ пьяныхъ было причиною драки между народомъ и жандармами, что двухъ или трехъ буя-

[21]) Восемнадцать лѣтъ потомъ, послѣ царствованія истинно хорошаго и полезнаго, онъ бѣжалъ передъ какимъ-то призракомъ революціи, какъ бы преслѣдуемый невидимою Немезидою.

[22]) Зараза распространяется.

новъ, которые кричали: Wir brauchen keinen König! [23]) поймали и что когда спросили у нихъ, почему имъ ненуженъ король, они отвѣчали: Denn wir haben schon einen [24]). Казалось, что это шутка, и мы были очень спокойны, какъ Иванъ Сергѣевъ пришелъ къ дверямъ синей комнаты (въ которой мы учились) и сказалъ: «вѣдь здѣсь, говорятъ, хотятъ тоже революцію сдѣлать и повели войско ко дворцу». Не смотря на мою храбрость, такого рода неожиданное извѣстіе такъ меня поразило, что я, соскочивъ со стула, почти опрокинула арфу, покраснѣла по уши [25]) и, всплеснувъ руками, бросилась въ маменькину комнату, гдѣ расхохоталась надъ своимъ страхомъ, сказавъ, что бунтуютъ въ городѣ. Можете вообразить, какъ меня за веселость столь неумѣренную разбранили; а когда мы вышли на крыльцо, а на минуту и на улицу, но мнѣ такая дрожь пробѣжала и, хотя я была безъ шемизетки, однако вѣрно не отъ холоду, ибо щеки у меня страхъ какъ горѣли, да и погода была прекрасная. Я начала думать, что Пруссаки могли бы поджечь дома какъ Саксонцы, и я не видала пользы въ томъ, чтобы мнѣ быть принесенной *en holocauste* [26]) за Его Величество Фридриха Вильгельма, хотя бы у себя за своего царя, надѣюсь, что не жалѣла бы жизни. Я никакъ не могу понять значеніе любимаго слова Олимпіады Петровны [27]) *se sacrifier* (жертвовать собой) или, лучше сказать, не могу видѣть въ немъ геройства: свой покой или счастье забыть для тѣхъ, которыхъ любишь, не есть жертва, а наслажденіе. А жить въ нашей квартирѣ изъ *любви* къ Блёмеру, котораго мы *не* любимъ, или съ веселымъ видомъ смотрѣть на разрушеніе нашего дома и на гибель родныхъ и друзей изъ любви къ *Монархіи вообще*, мнѣ кажется, слишкомъ Римское великодушіе, въ родѣ поступка Юнія Брута. Такъ философствовала я, между тѣмъ какъ всѣ, разными восклицаніями, показывали свой страхъ, а Андрюша и Вадимочка смѣялись, говоря, что желали бы сходить на площадь и посмотрѣть что̀ дѣлается. Во все это время швейцаръ нашъ старался успокоить насъ понѣмецки; но женщина, стоя выше насъ на крыльцѣ, съ маленькимъ соннымъ ребенкомъ на рукахъ, только что воротилась изъ *Подъ Липокъ* и слышала крикъ: «Не хотимъ полиціи!» и «Vivat! Es lebe der König! Мы не хотимъ платить податей!». Но между тѣмъ привезли двѣ пушки для защиты дворца, и солдаты ежеминутно бѣжали (а не шли) изъ казармъ мимо насъ на площадь. Мы однакоже ничего порядочно не знали о томъ что̀ происходило, какъ егерь г. Руффо (Неаполитанскаго посланника, который живетъ въ томъ же домѣ съ нами), прибѣжалъ съ улицы, говоря: «Es geht lustig da» (дѣло идетъ хорошо, или весело). Ему бы нужны были двадцать языковъ, чтобы отвѣчать вдругъ на всѣ вопросы, которыми его первую фразу заглушили. Къ нашему счастью, онъ говоритъ пофранцузски и разсказалъ, что онъ былъ у своего знакомаго, въ большомъ дворцѣ, и отправился домой уже поздно, но не могъ сквозь толпу пробиться и нашелся посреди народа и войска. Сперва собралось нѣсколько подмастерьевъ портныхъ (*Schneidergesell*), крича: «Не хотимъ полиціи! не хотимъ платить податей! Долгія лѣта королю! Урра!» Однакожъ къ нимъ скоро присоединилось нѣсколько сотенъ работниковъ и немного мелкихъ купцовъ (т. е. *Bürger*) которые пришли изъ любопытства и не могли уйдти. Тогда прискакали Польскіе уланы, какъ на сраженіе, привезли двѣ пушки, народъ взбѣсился и, схватя камни (ихъ лежало очень много близъ дворца, потому что мостили площадь), началъ бросать ихъ въ солдатъ и убилъ капитана и одного или двухъ жандармовъ. Кавалерія, а потомъ и пѣхота (въ шты-

---

23) Намъ не нужно короля.
24) Потому что король у насъ уже есть.
25) Вы часто говаривали, что хорошій признакъ, когда при первомъ выстрѣлѣ *краснѣютъ*, а *не блѣднѣютъ*.
26) Жертва сожженія.
27) Шишкиной.

ки) начали разгонять народъ; нѣсколько было раненыхъ, но не было ни одного выстрѣла: всѣхъ, которые попадались имъ въ руки, жандармы посылали на гаубвахту, между прочими повара принца Адальберта, котораго не выпустили, пока самъ принцъ не написалъ къ полицеймейстеру, чтобъ его освободили, и егерь г. Ruffo, который это намъ разсказывалъ, съ трудомъ отъ нихъ отдѣлался. Такой поступокъ возбудилъ его негодованіе, и онъ долго декламировалъ противъ грубости полиціи и прибавилъ, что такъ много народа на площади, что они могли бы *что нибудь сдѣлать*, но что они не довольно храбры (*ils n'en ont pas le courage*) «О! еслибъ «это было въ Парижѣ, такъ оно бы уже шло «какъ должно (comme il faut). Какъ бы я «хотѣлъ, чтобъ здѣсь было такъ какъ по Фран«ціи; mais ils n'ont pas de courage ces gens «là». Онъ только успѣлъ сказать, что былъ въ Парижѣ съ *monsieur Ruffo*, во время послѣдней революціи, и такъ перепугалъ маменьку, что мы воротились въ комнаты и слышали, какъ скакали разныя отдѣленія кавалеріи. Тутъ увидѣла я еще образчикъ Прусской флегмы: двухъ офицеровъ въ полномъ мундирѣ, которые шли держась за руку, на площадь, гдѣ уже сражались не въ шутку, шли потихоньку, разговаривая преспокойно, какъ бы отправляясь въ концертъ или на балъ. Мы въ десятомъ часу пошли на кровлю, гдѣ сдѣлано родъ галлереи, или «pedide motzianne» (какъ докторъ, съ своимъ хорошимъ выговоромъ, называетъ ее) ибо мы думали, что оттуда услышимъ крикъ народа. Ночь была удивительно хорошо: небо темно-синее, не видать ни одного облака, кромѣ нѣсколько прозрачныхъ тучекъ, которыя, окружая и частію закрывая мѣсяцъ, серебрились его свѣтомъ, всегда столь тихимъ, но тогда еще блѣднѣе обыкновеннаго; погода жаркая, какъ бывъ Іюлѣ; главы двухъ высокихъ тополей медленно и граціозно качались, и подлѣ нихъ темный кипарисъ озарялся свѣтомъ зарницы. Ничего не слыхать было кромѣ: Durch Cytisus und Wehmuthsfichte melodich' Gesäusel [28]).

Ахъ папенька! какъ этотъ маленькій садъ, это прекрасное небо, и особливо звѣзды напомнили мнѣ то время, какъ я съ вами смотрѣла на нихъ съ Павловскаго балкона! Какъ я понимаю чувства Батюшкова казака:

„Вы, звѣзды Сѣвера, горите
Изгаданнику свѣтлѣй!“

Но какъ это зрѣлище ни было хорошо, надобно было воротиться, и мы (слыша и видя, что многочисленные патрули расхаживали по городу) легли спать и препокойно провели ночь. Мы въ послѣдствіи узнали, что, около втораго часу, согнали народъ съ площади, и онъ бѣжалъ массой до форштата, гдѣ оборотился опять, и стычка послѣдовала вновь; нѣсколько человѣкъ было ранено, немногіе и убиты, хотя это скрываютъ; иные невинные пострадали, какъ всегда случается. Намъ разсказывалъ Ноель [29]), что одинъ изъ учителей Коллегіи ходилъ покупать дрова и возвращался домой съ знакомымъ ему молодымъ студентомъ; ему надобно было пройдти черезъ Breite Strasse, которая ведетъ къ дворцовой площади (Schlossplatz); вдругъ человѣкъ, преслѣдуемый двумя или тремя жандармами, подбѣжалъ къ нему такъ неожиданно и шибко, что сшибъ его съ ногъ, а самъ убѣжалъ; жандармы, принимая бѣднаго учителя за бѣглаго бунтовщика, начали его бить и рѣзать саблями, между тѣмъ какъ онъ, все еще лежа посреди мостовой, упрекалъ ихъ въ ихъ подломъ поступкѣ бить лежачаго; они его тяжело ранили и оставили полумертваго на улицѣ, гдѣ бы его конечно задавили, если бъ другіе пѣшіе полицейскіе не пришли скоро послѣ и, схватя его за воротъ такъ крѣпко, что чуть не удавили, увели его на гаубвахту. Храбрый другъ его, студентъ, убѣ-

[28]) Сквозь вѣтви кипарисовъ мелодическій шепотъ.

[29]) Нашъ Нѣмецкій учитель, потомокъ эмигрантовъ, Французскихъ Гугенотовъ, но самый честный типъ мелкаго Нѣмецкаго Bürger'a.

жалъ съ самаго начала, отправился къ его женѣ и далъ ей знать, въ какомъ положеніи находится учитель; но ея жандармы не пустили къ мужу, и такъ какъ она непремѣнно требовала видѣть его, то одинъ изъ этихъ мерзавцевъ, схватя ее за ея *cloack* (салопъ) стащилъ съ крыльца; къ счастію, она встрѣтила знакомаго ей офицера, который провелъ ее въ комнату вновь выкрашенную, безъ стеколъ въ окошкахъ, и тутъ она нашла мужа, лежащаго на полу съ двумя другими ранеными. Пролежавъ цѣлую ночь въ такомъ сыромъ мѣстѣ, безъ всякой помощи и съ тяжелыми ранами, онъ такъ занемогъ, что нѣтъ никакой надежды спасти его. Вообще жандармовъ здѣсь ненавидятъ, и они очень дурно вели себя, боясь вооруженныхъ, а убивая падшихъ бунтовщиковъ; но за то восхищаются военными, которые, не страшась никого, однако всѣхъ сколько возможно щадили. Объ Дибичѣ же говорятъ, что его на площади ранили и что не узнавши его (онъ былъ въ статскомъ сюртукѣ) жандармы схватили его и когда онъ назвался, отвѣчали, что *всякая каналья* можетъ взять это имя, да и повели его на гауптвахту, гдѣ онъ просидѣлъ до слѣдующаго утра, а первую часть ночи провелъ tête-à-tête съ поваромъ принца Адальберта,—общество, безъ сомнѣнія, очень пріятное, но которое, я думаю, нравилось бы болѣе Нессельроде, нежели Дибичу [30]). Извѣстіе объ совершенномъ побитіи королевскихъ войскъ въ Голландіи и слухи о бѣгствѣ принца Фридриха, заставляютъ здѣшнихъ политиковъ ожидать черезъ нѣсколько времени общую войну и говорятъ, что сынъ короля, Wilhelm [31]), очень ея желаетъ. Намъ сказывали, будто бы что-то было въ Россіи, а потомъ начали говорить, что въ Петербургѣ былъ страшный бунтъ, въ которомъ Государя убили. Конечно мы ссылались на Ваше письмо, чтобъ доказать несправедливость такой выдумки тѣмъ, которые намъ это разсказывали. Говорили тоже, что въ Мюнхенѣ было возмущеніе: это тоже вздоръ. Такъ какъ я дожидаюсь курьера, чтобъ отправить это письмо, то всякой день что нибудь прибавляю, и желаю, чтобъ въ ту минуту, когда придется послать его къ Репнину, мы бы получили какое нибудь совершенно новое извѣстіе et qui fut bien absurde [32]), чтобъ не наскучить вамъ моими разсказами.

Въ здѣшнихъ газетахъ Staats-Zeitung, говорятъ, что пишутъ изъ Африки «que le général Closel a rassemblé un grand nombre de *Maures et de Juifs*, dont il a formé un regiment de Cosaques» [33]). Такимъ образомъ, пожалуй изъ Англичанъ и Итальянцевъ можно составить полкъ Черкесовъ» [34]).

Пока мы уже ощущали на дѣлѣ вліяніе Французской революціи на Европу вообще, въ Петербургѣ жизнь шла обыкновенной чередой. Батюшка писалъ:

д) „29-го Августа (10 Сент.) 1830.

Въ прошедшій Четвергъ, т. е. 21-го Августа, отправивъ къ тебѣ письмо, я самъ отправился въ Царское Село и присталъ у графа Кочубея по обыкновенію [35]). Тамъ я провелъ три дня и три ночи въ занятіяхъ такъ же, по обыкновенію и, что менѣе обыкновенно для меня, нооредн увеселеній. Въ Пятницу, послѣ торжественной обѣдни во Дворцѣ, былъ большой обѣдъ, а ввечеру Итальянская опера «Barbiere di Seviglia», въ которой пѣла г-жа Зонтагъ [36]). Послѣ оперы былъ ужинъ.

---

30) Все это оказалось легендой буржуазной. Гр. Нессельроде славился своей кухнею.

31) Нынѣшній Германскій императоръ.

32) Пусть оно будетъ очень нелѣпое.

33) Генералъ Кловель собралъ множество Мавровъ у Евреевъ и образовалъ изъ нихъ казачій полкъ.

34) Это, кажется, была первая попытка Западно-Европейскаго казачества, а недавно Чайковскій въ самомъ дѣлѣ составилъ полки казачьи изъ Турокъ, изъ Черкесовъ и едва ли не Черкескіе изъ Поляковъ: ужъ такая привычка переодѣванія и актерства у нихъ!

35) Кочубей былъ тогда еще графомъ, и ему принадлежала дача, которая теперь называется Запаснымъ Дворцомъ, противъ воротъ парка, на которыхъ написано: „моимъ любезнымъ сослуживцамъ.“ 22-е Августа праздновался, день коронаціи Николая Павловича.

36) Знаменитая пѣвица Генріета Зонтагъ тогда уже была помолвлена за графа Росси

На другой день опять спектакль Французскій, потомъ опять ужинъ, а послѣ ужина игры: веревочка, кошка и мышка, а для людей самыхъ степенныхъ были карты. Въ Воскресенье былъ также обѣдъ, хотя не столь большой какъ въ пятницу, а ввечеру балъ. Возвратясь въ Петербургъ, я нашелъ твое письмо, гдѣ ты разсказываешь, что ты слышала отъ графа Алопеуса (о возмущеніи въ Бельгіи). Вѣроятно онъ только дожидается жены своей, чтобы ѣхать въ Россію, т. е. въ Малороссію, праздновать свадьбу будущей молодой княгини Репниной; въ Полтавѣ, какъ я слышалъ, готовятся встрѣчать ихъ. Прости, мой другъ; завтра Александровъ день, я собираюсь въ Невскій монастырь; а передъ обѣдней и послѣ обѣдни ко мнѣ будутъ нѣкоторые оффиціальные и весьма невинные мучители съ бумагами. Потому я рѣшаюсь писать вамъ наканунѣ вечеромъ, или лучше сказать ночью, ибо теперь пробило не 12 часовъ, а часъ. У меня теперь только ночью и есть минуты свободныя, да и тѣ я долженъ посвящать чтенію сенатскихъ записокъ, журналовъ консультацій и другихъ.

Твой Д. Б.

P. S. Одинъ знакомый Филиповскому докторъ повезъ къ вамъ двѣ маленькія Русскія поэмы: «Кавказскій плѣнникъ» Пушкина и «Чернецъ» Козлова.

Вы, вѣроятно, уже знаете что у насъ во многихъ мѣстахъ свирѣпствуетъ Cholera morbus: на Кавказѣ, въ Астрахани, въ Саратовѣ, на Дону и на Уралѣ. Въ Астрахани каждый день умираетъ слишкомъ по сту человѣкъ. Правительство принимаетъ сильныя мѣры для прекращенія сей ужасной болѣзни, которой никто не знаетъ короче и не боится менѣе меня» [37]).

и пѣла въ послѣдній разъ на сценѣ. Всѣ отъ нея были въ восхищеніи и сожалѣли, что явленіе ея было такое мимолетное въ Петербургѣ. Однако судьба привела ее опять къ намъ въ качествѣ Сардинской посланницы. Я тогда съ ней познакомилась и видѣла довольно часто. Она была одна изъ самыхъ симпатичныхъ, женственныхъ, чистыхъ натуръ. Ни въ ея обращеніи, ни въ ея наружности не было слѣдовъ театральной жизни. Она всегда была безукоризненнаго поведенія и имѣла то врожденное благородство манеръ, котораго иногда не находимъ въ самомъ высшемъ обществѣ; однако она говорила намъ, что иногда ей какъ будто чего-то не доставало, когда она вспоминала чарующее впечатлѣніе вызововъ публики, восторговъ цѣлаго театра. Она одинъ разъ пѣла еще на театрѣ Эрмитажа съ любителями музыки Петербургскаго общества въ операѣ „Sonambula“ и какъ ни превосходна была Віардо въ этой роли, на мой вкусъ графиня Росси ее превосходила, именно потому, что была менѣе страстна, менѣе огненна и больше подходила къ типу простой, скромной, всей душой преданной законной своей любви Швейцарской деревенской дѣвушки, не понимающей даже возможности подозрѣнія, которое падаетъ на нее. Миловидный, чистый образъ Амины, какъ ее передавала графиня Росси, рисуется передо мной съ какой-то грустной граціей, когда я вспоминаю ея преждевременную смерть. Мужъ ея надѣлалъ столько долговъ, что ради воспитанія дѣтей она принуждена была опять пойти на сцену, когда уже голосъ ея потерпѣлъ отъ времени, и она приняла выгодное предложеніе для сезона въ Америкѣ. Я ее видѣла въ послѣдній разъ въ Гамбургѣ, въ концертѣ, который она давала передъ отъѣздомъ. Ей восторженно апплодировали, но рукоплесканія уже не радовали ея. Мы простились въ ея туалетной комнатѣ, и слезы полились изъ глазъ ея, когда она „заговорила“ о предстоящей разлукѣ съ дѣтьми, объ этомъ нескончаемомъ пространствѣ, которое скоро отдѣлитъ ее отъ нихъ. Какое-то тяжелое предчувствіе томило ее. Бѣдная, она уже не возвращалась: занемогла и умерла въ Америкѣ. — Арія, которую по моему она лучше всего пѣла, была большая арія Агаты изъ Фрейшюца. Въ этой аріи я слышала тоже Женни Линдъ. У обѣихъ былъ одинаково чистый, полный, серебристый голосъ, и онѣ одинаково религіозно, какъ бы въ церкви, пѣли первое анданте: „Leise, leise, fromme Weise, schwing dich auf zum Sternenkreise! Lied erschalle, feiernd walle, mein Gebet zum Himmelshalle“!

Но ничто слышанное мною съ тѣхъ поръ не могу сравнить съ той увлекательной, чистой радостью, съ которой выливалось, какъ у птичекъ весной, изъ устъ графини Росси слѣдующее за молитвой аллегро: „All meine Pulse schlagen, und das Herz wallt ungestüm.“

[37]) Она была у батюшки въ Лондонѣ, куда занесъ ее экипажъ корабля, пришедшаго изъ Индіи; но это былъ одиночный случай, никѣмъ не замѣченный въ Европѣ.

е) „$^{6}/_{18}$ Сентября.

У насъ новаго нѣтъ почти ничего, и я чуть было не сказалъ: слава Богу, потому что съ нѣкотораго времени новости по большой части дурныя. Холера въ Астрахани продолжаетъ свирѣпствовать, но уже съ меньшею силою; въ послѣднюю недѣлю, вмѣсто 850-ти человѣкъ какъ прежде, умерло только 179. Она показалась и во многихъ другихъ мѣстахъ, и для противодѣйствія ея опустошенію, чтобы лечить больныхъ, и по возможности не давать распространяться болѣзни, наряжена особенная чрезвычайная Коммиссія изъ чиновниковъ военныхъ, гражданскихъ и медицинскихъ. Начальникомъ ея самъ министръ Внутреннихъ Дѣлъ, новый графъ Закревскій. Министерствомъ покуда будетъ управлять Енгель.

P. S. Въ Александровъ день, Жуковскій пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Кажется, Мердеръ получилъ Анненскую ленту, но я не увѣренъ въ этомъ: видѣлъ его на завтракѣ митрополита и, по обыкновенной своей непримѣтливости въ дѣлахъ сего рода, не успѣлъ отличить Св. Станислава отъ Св. Анны».

ж) „$^{16}/_{28}$ Сентября.

Слава Богу, что ваша Берлинская исторія уже кончена и въ самомъ существѣ своемъ не важна. Прусское правительство дѣйствуетъ, какъ обыкновенно, съ осторожностью, твердостью и прямодушіемъ; а тамъ, гдѣ правительство благоразумно, злоумышленники рѣдко бываютъ опасны. Эта мысль меня успокоиваетъ».

Такимъ образомъ, переписка наша съ батюшкой становилась грустна и тревожна въ отношеніи къ политическимъ событіямъ и къ новальной болѣзни, вновь появившейся въ Европѣ, которая шла съ Юговостока на Сѣверъ и Западъ, какъ страшный призракъ, предносылая предъ собою смятеніе, подозрѣніе и страхъ. Надобно признаться, что это была тяжелая пора. Но забота объ общественныхъ событіяхъ и усиленная работа не могли отвлечь отца моего отъ другой нѣжной заботы о нашемъ воспитаніи, и онъ въ это время писалъ къ матушкѣ:

з) «Нашъ маленькій Вадимъ пишетъ, что у него бываютъ дистракціи отъословъ и собакъ, которыя возятъ тележки. Это не совсѣмъ похвально, но похвально и мило, что онъ чистосердечно объ этомъ сказываетъ. Правда! Правда! Она лучше всего въ мірѣ. Служеніе ей есть служеніе Богу, и я молю Его, чтобъ наши дѣти во всю свою жизнь были ея обожателями, исповѣдниками, а буде нужно, и страдальцами».

Въ другомъ письмѣ, того же времени, онъ писалъ, по случаю писемъ братьевъ моихъ къ маленькому Великому Князю Александру Николаевичу:

и) «Скажи нашимъ мальчикамъ, что ихъ письма не очень хороши, но не очень и дурны, потому что просты: однако простота хотя главное, но не единственное достоинство писемъ. Нельзя писать, особенно къ Великому Князю, все то и только то, что̀ взбредетъ прежде всего на мысль; надобно подумать, поискать въ головѣ своей, что̀ можетъ быть интересно для того, къ кому мы пишемъ. Этотъ трудъ не великъ, а безъ труда ничего не сдѣлаешь на свѣтѣ, даже и самого обыкновеннаго, порядочнаго письмеца.

Третьяго дня, въ Царскомъ Селѣ, на танцовальномъ вечерѣ у графини Кочубей, Государыня очень милостиво, съ видомъ участія, спрашивала меня о всѣхъ васъ и прибавила, что наканунѣ, на дѣтскомъ балѣ, въ день рожденія Константина Николаевича, недоставало нашихъ дѣтей. Скажи это имъ».

Между тѣмъ холера начинала занимать главное мѣсто въ письмахъ батюшки.

і) „20 Сентября (2 Октября) Петербургъ.

.....«О здоровьи своемъ не говорю: оно какъ и прежде хило; да теперь мнѣ и некогда и почти что стыдно думать о немъ, когда всѣ заняты мѣрами для охраненія общаго здоровья противъ печально знакомой мнѣ Cholera morbus. Мы надѣялись, что она скоро прекратится, и въ самомъ дѣлѣ прекратилась въ томъ мѣстѣ, гдѣ

наиболѣе свирѣпствовала, т. е. въ Астрахани; но за то, хотя и слабѣе, однако же показывается въ иныхъ мѣстахъ, наконецъ и въ Нижегородской губерніи. Сегодня я получилъ извѣстіе отъ прокурора, что, не смотря на предосторожности, принятыя губернскимъ начальствомъ, болѣзнь изъ самого города Нижняго, въ коемъ открылась сначала, распространилась и на окрестности и достигла Балахны. Боюсь между прочимъ, чтобы не коснулась твоихъ деревень. Какъ быть! Смиряясь передъ волею Провидѣнія, надобно признаться, что Cholera morbus какъ ни вредна, ни опасна, но едва ли не лучше той нравственной болѣзни, которая волнуетъ Францію и Бельгійскія провинціи и часть Германіи. Слава Богу, по крайней мѣрѣ, что въ сильнѣйшихъ Германскихъ державахъ, Австріи и Пруссіи, нѣтъ признаковъ этой политической горячки; первую спасаетъ флегматическій, лѣнивый характеръ ея жителей, а вторую, Пруссію, благоразуміе правительства и счастливое, цвѣтущее состояніе народа; тѣмъ болѣе, что народъ, какъ я самъ могъ замѣтить и какъ единогласно утверждаютъ, вообще также благоразуменъ, умѣетъ чувствовать свое счастіе и знаетъ, что одолженъ имъ своему доброму королю. Но кстати о Пруссіи. Правди ли, что графъ Дибичъ, вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Берлинъ, опасно занемогъ и до сихъ поръ еще боленъ?[38]).—Письма Андрюши и Вадима я лично вручилъ Великому Князю. Онъ ихъ принялъ очень милостиво и прибавилъ: «обѣщаю отвѣчать». При семъ случаѣ я видѣлъ и слышалъ его математическій урокъ: Великій Князь и съ нимъ Віельгорскій и Паткуль разрѣшали очень хорошо довольно трудныя задачи, подъ наблюденіемъ и руководствомъ своего учителя, академика Коленса; а я думалъ о своемъ маленькомъ геометрѣ Андрюшѣ, и спрашивалъ самъ себя, былъ ли бы онъ въ состояніи разрѣшить одну изъ сихъ задачъ?»

Въ то время, какъ батюшка сообщалъ объ успѣшныхъ занятіяхъ нашего маленькаго Великаго Князя, я къ нему писала о другомъ уже взрослом царственномъ ученикѣ:

XV) «29-го Сентября 1830. Берлинъ.

Новостей не имѣемъ кромѣ той, которую Ноель (нашъ Нѣмецкій учитель) объявилъ намъ сего дня, именно, что скоро ожидаютъ сюда «einen durchlauchtigsten Studenten». И этотъ *свѣтлѣйшій студентъ* принцъ Максимильянъ Іосифъ, сынъ моего любимаго короля-поэта Лудвига Баварскаго. Это его старшій сынъ, которому 28-го Ноября минетъ 19 лѣтъ, и его Papachen находитъ, что ему пора учиться; но, не находя видно хорошихъ учебныхъ заведеній у себя, присылаетъ его къ намъ въ университетъ, т. е. въ Берлинъ—такъ разсказываетъ Ноель».

Въ это время о нашихъ маленькихъ ученикахъ, т. е. братьяхъ моихъ, издали заботился батюшка, и онъ было думалъ, что наконецъ отыскалъ для нихъ Русскаго гувернера. Записываю исторію этой неудачи, чтобъ показать, какъ трудно было тогда условиться съ Русскимъ человѣкомъ, для воспитанія дѣтей за границей и что не такъ были неосновательны, какъ многіе думали, распоряженія, вышедшія нѣсколько спустя, т. е. запрещеніе воспитывать малолѣтнихъ дѣтей за границей. Батюшка, какъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія, конечно имѣлъ болѣе удобства нежели другіе для отысканія учителя-гувернера; но вотъ что онъ писалъ:

к) «Къ сожалѣнію, я не могъ отправить Русскаго учителя; вышло недоразумѣніе. Г-нъ Порай-Кошѣцъ, котораго нравственность, а равно и прилежаніе, и любовь къ наукамъ всѣ очень хвалятъ, согласился ѣхать въ Берлинъ, не за тѣмъ, чтобы учить нашихъ дѣтей, а чтобы продолжать свой собственный курсъ ученія въ тамошнемъ университетѣ[39]). Такъ

[38]) Этотъ слухъ, равно какъ и разсказъ нашего учителя о мнимомъ его арестованіи, оказался выдумкой.

[39]) Онъ соглашался давать уроки по три часа въ день, между лекціями университета, а остальное время выговаривалъ себѣ для собственныхъ занятій.

писалъ онъ къ профессору Шнейдеру. Прочитавъ это письмо, я призывалъ его къ себѣ и говорилъ, что конечно никто изъ насъ, ни ты, ни я, не захочемъ мѣшать ему самому учиться, но что однако же главнымъ его занятіемъ въ Берлинѣ должно быть ученіе нашихъ дѣтей, наблюденіе за приготовленіемъ ихъ къ урокамъ другихъ учителей, поведеніемъ ихъ, чтеніемъ и т. д. что только на сихъ условіяхъ я могу принять его и отправить къ вамъ. Онъ обѣщалъ подумать и, кажется, раздумалъ ѣхать, ибо не даетъ отвѣта. Жаль: наружность его мнѣ полюбилась; на лицѣ его выраженіе добродушной откровенности; онъ пишетъ и говоритъ довольно хорошо, хотя выговоръ его отзывается немного родиной, т. е. Малороссіей, впрочемъ очень мало. Я уже началъ искать другаго, а между тѣмъ, знаешь-ли что мнѣ совѣтуетъ тотъ же профессоръ Шнейдеръ? Въ Берлинѣ четыре Русскихъ студента, посланныхъ туда для обученія правамъ. Изъ нихъ двое, Неволинъ и Пѣшехонцевъ, прекрасно знаютъ порусски, и прекрасные люди, особенно послѣдній. Прикажи одного изъ нихъ попросить къ тебѣ и уговори давать нашимъ мальчикамъ (и дѣвочкамъ) уроки Русскаго языка и словесности и Русской Исторіи и Статистики. Шнейдеръ напишетъ имъ отъ себя объ этомъ, и вѣрно который нибудь согласится. Такимъ образомъ время не совершенно будетъ потеряно и для ученія порусски и для знанія Россіи».

Однако не удалось и познакомиться съ Неволинымъ, не помню отъ чего; кажется, онъ уѣхалъ изъ Берлина. Матушка писала:

XVI). „1 (13) Октября.

..... Какія странныя условія г-на Порай-Кошеца! Какъ ты хорошо сдѣлалъ, что не согласился. Я очень рада, что не имѣю такого сумазброднаго человѣка въ домѣ. Вмѣсто гувернера у меня былъ бы на шеѣ ученикъ, и какой еще, который бы распоряжался въ моемъ домѣ; три часа въ день учить дѣтей въ тѣ часы, когда ему будетъ угодно, и всѣ здѣшніе учителя, которые и такъ съ трудомъ могли устроить часы между собой, потому что служатъ въ казенныхъ заведеніяхъ, должны бы были перемѣнить часы; а прочее время наши мальчики все бы были одни; слѣдственно была бы та выгода, что Порай-Кошецъ на нашъ счетъ пріѣхалъ бы сюда, и мы бы его содержали для того, чтобъ онъ самъ учился медицинѣ. Конечно это весьма спокойно для него. Но если такъ, то лучше поговорить съ студентами, о которыхъ ты пишешь, и Сперанскій, бывши здѣсь, мнѣ говорилъ, что онъ знаетъ студентовъ, и совѣтовалъ къ нимъ обратиться. Можетъ быть, они найдутъ время давать уроки Русскіе; что касается до Латинскаго языка, то у насъ теперь учитель, кажется, хорошій человѣкъ, отмѣнно прилеженъ, хорошо имъ толкуетъ и сверхъ того взыскателенъ.

О графѣ Дибичѣ пустые слухи; правда, что онъ простудился и думали, что у него воспаленіе, но Грефа призвали (онъ мнѣ это и разсказывалъ), онъ не нашелъ никакой воспалительной болѣзни: это была Молдавская лихорадка, которая не возвратилась, и онъ совсѣмъ здоровъ; хотѣлъ ѣхать въ Петербургъ, но король его уговорилъ остаться посмотрѣть маневры, которые и были дня три назадъ.

Третьяго же дня у меня была гр. Алопеусъ, которая очень огорчена. Она бѣдная со слезами мнѣ разсказывала о болѣзни ея дочери, которую недѣли двѣ какъ я видѣла. Она казалась весела и здорова, но все покашливала; цвѣтъ у ней, правда, не очень здоровый, и она худа, но вдругъ кашель усилился, сдѣлалась одышка, и показался румянецъ на щекахъ съ чувствомъ боли и съ воспаленіемъ въ горлѣ. Жаль очень ея; она хорошенькая лицомъ, премилая, такой видъ добродушія и невинности, очень хорошо воспитана, талантлива, отмѣнно ласкова. Съ перваго разу она мнѣ такъ полюбилась, что я къ ней почувствовала нѣжность. Она меня просила познакомить ее съ моими дочерьми; пріѣхавъ ко мнѣ и увидавъ Антуанету, еще повторила просьбу привезти ее къ нимъ, я бы очень желала, чтобы Антуанета съ ней познакомилась, но она бѣдная занемогла. Мать, говоря о своемъ огор-

ченіи сказала: «Si vous saviez, Madame, quelle fille: c'est une amie qui ne m'a jamais quitté, dans mes maladies et mes chagrins elle était toujours près de moi.» [40]) Боятся, чтобы не сдѣлалась сухотка; ее теперь поятъ ослинымъ молокомъ, а весной или лѣтомъ посылаютъ въ Эмсъ».

Свадьба съ Репнинымъ разстроилась; болѣзнь оказалась не сухоткой, а нервной лихорадкой; она было согласилась выдти замужъ не любя, такъ себѣ, какъ часто бываетъ, потому что родители и знакомые уговаривали, желая ей счастья, не слишкомъ размышляя, счастлива ли она былабъ съ Репнинымъ, къ которому имѣла только пріятельскія чувства, тогда какъ ея страстная, экзальтированная натура требовала романической, идеальной любви. Они разошлись, впрочемъ съ полнымъ уваженіемъ и даже въ дружелюбномъ расположеніи другъ къ другу.

л) „27-го Сентября. Петербургъ.

..... Посылаю тебѣ стихи Козлова, на одинъ изъ концертовъ Генріеты Зонтагъ.

Вчера ты пѣла—голосъ нѣжной,
Разсѣя мракъ мой безнадежной,
Небесной дышетъ чистотой;
Онъ вѣетъ радость надо мной,
Онъ вѣетъ сладкое томленье,
И сердцу онъ напомнилъ вновь
Безцѣнное души волненье—
Младую, первую любовь и пр. [41])

А я тебя благодарю за книги, которыя привезла гр. Соллогубъ. Здѣсь мы заняты однимъ, болѣзнью холерою, которая къ сожалѣнію, прекратясь въ Грузіи, Кавказской области, Астрахани и Саратовѣ, появилась въ другихъ мѣстахъ, не смотря не оцѣпленія, карантины и всевозможныя предосторожности. Я уже писалъ тебѣ, что она въ Нижнемъ и послѣ того получены извѣстія изъ Костромы, Ярославля и Рыбинска, что и тамъ есть больные холерой; наконецъ и въ Москвѣ нѣсколько человѣкъ сдѣлались ея жертвой, въ томъ числѣ архимандритъ Чудова монастыря и четыре студента Московскаго университета. Жаль больныхъ, умирающихъ, тѣхъ, которые будутъ оплакивать ихъ, и жаль также, что принимаемыя мѣры предосторожности и ужасъ, который распространяется повсюду отъ слуховъ о сей новой язвѣ, остановятъ на нѣсколько времени сообщенія внутри государства, повредятъ нашей внутренней торговлѣ, и еще болѣе разстроятъ состояніе богатыхъ и небогатыхъ. Будемъ однако надѣяться, что Богъ, столь явно милостивый къ Россіи, сократитъ сію годину испытаній».

Теперь, когда уже мы, къ несчастію, сроднились съ періодическими нашествіями холеры, трудно вообразить себѣ, какой ужасъ она распространяла. На нее смотрѣли какъ на чуму или на черную смерть, считали ее прилипчивою, боялись всякаго прикосновенія къ больнымъ, прокалывали, окуривали письма, и ничто, ничто не могло остановить ея ходъ, между тѣмъ какъ рвота, багровый цвѣтъ, посинѣлыя лица больныхъ возбуждали подозрѣніе въ отравѣ. Европа волновалась; слышались угрозы Россіи, а многіе врачи у насъ были изъ иностранцевъ, или носили иностранныя имена; они жертвовали собою, безбоязненно лечили въ госпиталяхъ, а больные все таки умирали, и народное подозрѣніе падало на врачей и обвиняло ихъ въ подкупѣ, чтобъ погубить вѣрную и сильную Россію. Недовѣріе, страхъ, ужасные слухи дѣйствовали на нервы, въ воздухѣ уже зараженномъ болѣзнію, и умножали число жертвъ. Отецъ мой писалъ:

м) „4/16 Октября.

Мы все по прежнему ожидаемъ и ловимъ извѣстія съ двухъ сторонъ о холерѣ физической въ Россіи, о холерѣ моральной, гораздо болѣе опасной, на Западѣ Европы. Въ Москвѣ умерло не болѣе 16-ти человѣкъ, но она только начинается; въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ Рыбинскѣ много больныхъ и умирающихъ; она появилась и въ Казани; я объ этомъ имѣю

[40]) Еслибъ вы знали, что она за дочь! Она мнѣ *друга* неотлучный; во всѣхъ моихъ болѣзняхъ и печаляхъ она не отходила отъ меня.

[41]) См. Стих. Козлова. 1840, II, 162. *П. Б.*

офиціальныя извѣстія отъ прокурора, но объ деревняхъ, твоихъ и моихъ, не знаю ничего. Авось либо Господь помилуетъ нашихъ мужичковъ.

Вы, конечно, уже знаете, что Государь поѣхалъ въ Москву и конечно также отгадали причину. Это прекрасное, сродное душѣ его движеніе спѣшить туда, гдѣ какая либо опасность угрожаетъ его подданнымъ. Эта новая черта его характера привела въ восторгъ всѣхъ умѣющихъ цѣнить порывы великодушія: она обрадовала и успокоила не только Московскихъ, но и здѣшнихъ жителей.

Таковы наши добрые Русскіе люди, самый монархическій народъ въ мірѣ; они увѣрены, что тамъ не можетъ быть зла и бѣды, гдѣ самъ Государь съ ними, гдѣ онъ самъ печется о ихъ благѣ. Такъ оправдывается и въ семъ случаѣ мое любимое правило, что хорошее движеніе всегда имѣетъ хорошее послѣдствіе.

Впрочемъ, Государь не долго пробудетъ въ Москвѣ; сегодня ожидаютъ его въ Царское Село. Я надѣюсь, или лучше сказать, увѣренъ, что онъ возвратится въ совершенномъ здоровьѣ. Поѣздка его, между прочимъ, имѣла ту выгоду, что успокоила его самого; онъ своими глазами увидѣлъ, что опасность отъ холеры не такъ велика, что противъ нея приняты всѣ нужныя мѣры предосторожности, и не безъ успѣха. Эти мѣры, т. е. очищеніе воздуха въ домахъ, размѣщеніе больныхъ въ просторныя комнаты, наблюденіе за чистотою и пищею сдѣлали, что въ нынѣшнемъ году, въ Москвѣ, умираетъ людей гораздо менѣе, нежели въ прошломъ, хотя въ то время не было никакой повальной болѣзни».

Однако, Государь не такъ скоро воротился. Вотъ письмо отъ 11-го Октября:

н) ..... «Императорская фамилія, т. е. Государыня, Великіе Князья Александръ и Константинъ, Великая Княгиня (Елена Павловна) и Великія Княжны еще въ Царскомъ Селѣ, потому что Государь еще въ Москвѣ. Его присутствіе тамъ всѣхъ и все оживило; потому, вѣроятно, онъ рѣшился пробыть въ Москвѣ нѣсколько лишнихъ дней и рѣшился выдержать въ Твери 8-ми дневный карантинъ, давая такимъ образомъ примѣръ осторожности и повиновенія закону. Его ожидаютъ въ Царское $^{16}/_{28}$ Октября, и вскорѣ потомъ всѣ переѣдутъ въ городъ.....»

о) „18-е Октября.

Государь выѣхалъ изъ Москвы $^{7}/_{19}$-аго нынѣшняго мѣсяца. Нужно ли прибавлять, что тамошній народъ провожалъ его также, какъ встрѣчалъ, съ живымъ, трогательнымъ восторгомъ признательности, называя его *своимъ воскресителемъ*?»

п) „23-го Октября.

Государь благополучно возвратился изъ Москвы въ Царское Село, и нынѣ ожидаемъ его въ городъ. Онъ останавливался во второмъ карантинѣ на Ижорѣ и потому опоздалъ. Холера въ Москвѣ уменьшается; 19-го числа отъ нея умерло только 70 человѣкъ, а выздоровѣло 450, слѣдовательно перевѣсъ на сторонѣ здоровья».

И такъ, физическая холера, какъ батюшка называлъ ее, уменьшалась на нашемъ Востокѣ; но за то моральная зараза уже добиралась до насъ съ Запада и, еще скрытая отъ насъ всѣхъ, готовила Россіи другаго рода бѣды, которыхъ послѣдствія горько отзываются на насъ и до нынѣ. $^{7}/_{19}$ Октября былъ парадный спектакль въ Opernhaus'ѣ по случаю свадьбы принца Альбрехта. Давали, въ первый разъ въ Берлинѣ, новую оперу Россини *Вильгельмъ Тель*; но либретто было передѣлано для Англійской сцены и принято въ Берлинѣ подъ названіемъ „*Andreas Hofer*“. Неизгладимое впечатлѣніе оставилъ мнѣ этотъ вечеръ. Трудно выразить то высокое наслажденіе, съ которымъ слушали мы эту великолѣпнѣйшую музыку, исполненную въ совершенствѣ, равно оркестромъ, хоромъ и главными пѣвцами съ прелестными декораціями Тироля и Альповъ; къ тому же сюжетъ, перенесенный въ эпоху не очень отдаленной борьбы Германіи противъ Французовъ, дѣйствовалъ на пуб-

лику, тѣмъ болѣе, что присутствіе того короля, съ которымъ страдала и наконецъ побѣдила Пруссія, вызывало и, такъ сказать, воскрешало *лучшія воспоминанія* народа. Съ большимъ трудомъ достали мы нѣсколько билетовъ въ ложу.

XVII). «Но что это были за мѣста, въ темномъ углу большаго ящика: ибо иначе нельзя назвать эту паркетъ-ложу, гдѣ было дурно слышно и почти ничего не видать, и все это въ самомъ непріятномъ обществѣ, которымъ была набита ложа! Это было совершенно ново и никогда еще съ нами не случалось» (писала сестра моя). «Съ начала это мнѣ показалось ужасно досадно, но потомъ показалось забавно, въ родѣ смѣшнаго приключенія, а теперь и подавно утѣшаюсь мыслію, что въ нашемъ комическомъ положеніи намъ удалось быть зрителями такой сцены, которую вѣроятно не скоро будемъ имѣть случай увидѣть опять: я хочу сказать о восторженномъ пріемѣ короля и принца Альбрехта съ его молодой женой. Когда они сперва вошли въ королевскую ложу, публика начала кричать: виватъ и аплодировать, но когда король подошелъ къ перилamъ ложи и поклонился (т. е. намъ такъ сказали, потому что наше помѣщеніе au rez de chaussée не позволяло видѣть, что дѣлалось въ королевской ложѣ) вдругъ раздался такой взрывъ рукоплесканій Vivat, что не слыхать было первыхъ акордовъ «God save the King», которые заигралъ оркестръ, безпрестанно прерываемый кликами и рукоплесканіями. Эта прекрасная музыка, эти радостные клики народа, привѣтствующіе своего короля, до того потрясли мою душу, что я залилась слезами. *Лидія*».

Я не могу отыскать ни матушкина письма, ни моего объ этомъ вечерѣ; но очень хорошо помню, что она воротилась озабоченная домой. Между лицами далеко не высшаго общества, о которыхъ упоминаетъ сестра въ описаніи паркетъ-ложи, находился одинъ пожилой господинъ, весьма вѣжливый и услужливый, говорившій пофранцузски. Я помню, что онъ всталъ и далъ мнѣ свой стулъ, съ котораго высунувшись впередъ можно было видѣть и королевскую ложу. Высокій ростъ, правильныя черты короля, его спокойный, даже нѣсколько неподвижный видъ, имѣли какое-то достоинство весьма у мѣста въ эту минуту, гораздо болѣе важную въ данныхъ обстоятельствахъ, нежели обыкновенно бываютъ парадные спектакли. Онъ поклонился скорѣе задумчиво, нежели привѣтливо, представляя сына и молодую принцессу, которой отечество въ эту минуту защищалось отъ возмущенія Бельгійцевъ и нашествія Французскаго вспомогательнаго войска. Но когда послышались клики, рукоплесканія, въ которыхъ выражалось неподдѣльное чувство, король еще разъ поклонился съ такимъ растроганнымъ выраженіемъ лица, какъ я никогда потомъ не видѣла. Крѣпка была душевная связь между королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III-мъ и его народомъ. Тринадцать лѣтъ спустя, уже послѣ смерти короля, я была проѣздомъ въ Берлинѣ съ покойнымъ отцемъ моимъ. Мы пошли гулять въ Thiergarten. На маленькомъ островѣ, заросшемъ деревьями, которыя скрывали небольшой ручей, окружающій его, мы неожиданно увидѣли монументъ королю. Онъ былъ поставленъ городскими жителями въ благодарную память за удобства обширнаго парка, гдѣ горожане могутъ отходнуть и подышать чистымъ воздухомъ. Это просто мраморная статуя на небольшомъ пьедесталѣ. Но изваяніе художественное, поза такая натуральная, что кажется король въ простомъ сюртукѣ, безъ эполетъ, только что остановился на ходу, и сейчасъ же пойдетъ дальше. Сходство поразительное и пріятное. Мнѣ было какъ-то хорошо на сердцѣ, когда глядѣла я на статую. Эта простота движеній, одежды и обстановки, эти дѣти, которыя играли около статуи, это спокойствіе кругомъ, и зелень, и цвѣты, все такъ подходило къ характеру Фридриха Вильгельма III-го. Сколько великаго, сколько трагическаго,

сколько добраго было въ его царствованіе, и все это онъ вынесъ, все это онъ сдѣлалъ такъ просто, спокойно. Пошли мы назадъ черезъ мостикъ, а тутъ старый солдатъ вертѣлъ рукоятку шарманки, и звуки какой то старой пѣсни тихо раздавались подлѣ насъ. Все это такъ гармонировало вмѣстѣ. Батюшка очень любилъ подавать шарманщикамъ: онъ положилъ монету на органъ. Старикъ улыбнулся и приложилъ руку къ козырьку: „Вы ходили смотрѣть монументъ короля, спросилъ онъ, не правда ли хорошъ?“ — „Да отвѣчала я, и похожъ очень, я его лично знала“. „Вы его знали?“ спросилъ онъ какъ-то радостно. „Mit dem hab ich gedient, der war ein braver Mann![42]) и слезы навернулись у него на глазахъ. Какой глубокій смыслъ въ этихъ словахъ, какая характеристика историческаго лица. Вотъ она святая связь между государемъ и его подданными—вмѣстѣ служили отечеству, вмѣстѣ тянули лямку, вмѣстѣ несли тяжесть черныхъ дней, вмѣстѣ радовались успѣхамъ родной земли, и сверхъ всего доброта, теплое сердце, ласковый обычай короля. Мнѣ кажется, что недовольно отдаютъ справедливости Фридриху Вильгельму внѣ его отечества. Героическая фигура его жены, блескъ ея красоты, восторженность ея характера, энергія, инициатива, съ которыми она подняла духъ Германіи и, какъ древняя Валькирія, повела ее на подвигъ, весь этотъ лучезарный образъ Луизы слишкомъ затмѣваетъ короля. Но съ сущности онъ положилъ основаніе новой жизни Пруссіи. Не всегда самые блистательные люди бываютъ самые лучшіе государи — это доказалъ сынъ его Фридрихъ Вильгельмъ IV-ый, блистательнѣе котораго рѣдко можно встрѣтить человѣка.

Но, пока я заглядывала въ партеръ и издали въ королевскую ложу, учтивый незнакомецъ въ антрактахъ взошелъ въ разговоръ съ матушкой; удобство Французскаго языка, непонятнаго для другихъ нашихъ сосѣдей въ ложѣ, скоро привело къ какому-то роду интимности, и онъ спросилъ у матушки, не Русская ли она, какъ ему показалось по выговору. Она отвѣчала утвердительно. Онъ сказалъ, что самъ изъ Шлезіи и, опредѣливъ такимъ образомъ свою нейтральную національность, спросилъ, хорошія ли вѣсти получаемъ изъ Россіи. Опять утвердительный отвѣтъ. „И въ Петербургѣ не безпокоятся?“ О чемъ?—„Вы развѣ ничего не знаете?“ Про что?—„Про то что дѣлается въ Варшавѣ“.

Въ то время намъ, т. е. нашему семейству, не приходила на мысль возможность переворота въ Польшѣ. Мы такъ привыкли къ дружескимъ сношеніямъ съ Поляками нашего знакомства, и они и мы такъ искренно считали себя единоземцами, и мы скорѣе считали ихъ балованными дѣтьми государства, съ ихъ многочисленными привиллегіями. Матушка въ первую минуту не поняла, что хотѣлъ сказать ей новый знакомый. Видя ея непритворное удивленіе, онъ продолжалъ: „Неужели вы ничего не ожидаете? Вѣдь въ Варшавѣ теперь, или на дняхъ идетъ суматоха—тамъ революція. Я говорю серіозно (прибавилъ онъ) надѣюсь, что у васъ нѣтъ тамъ родныхъ“. Матушка не знала что думать. Она надѣялась, что это одинъ изъ тѣхъ слуховъ, которыми наполнялись газеты, какъ наприм. возстаніе гвардіи въ Петербургѣ, смерть Дибича въ Берлинѣ и проч. и проч. Откуда вы это знаете? спросила она. — „У насъ въ Шлезіи всѣ это знаютъ“, сказалъ онъ.

Все это казалось невѣроятно, однако впечатлѣніе осталось непріятное. Но мы получили письма въ обыкновенные почтовые дни, и забота прошла; жизнь наша нѣсколько равнообразилась.

XVIII) 1/13 Ноября.

«Не удивляйтесь, что нѣтъ письма отъ маменьки» (писала я) «курьеръ отсюда не от-

[42]) Съ нимъ я служилъ. Онъ былъ честный, добрый человѣкъ.

правляется, а находится здѣсь только проѣздомъ и ѣдетъ тотчасъ, а маменька сегодня у короля на балѣ, по случаю рожденія кронъ-принцессы. Вы вѣрно удивитесь, что она вамъ не писала о своемъ представленіи, но она третьяго дня сама не подозрѣвала, что это сдѣлается такъ скоро. Графиня Алопеусъ больна; m-me Мейендорфъ, урожденная Огеръ, Мансурова и m-me Мальтицъ пріѣхали къ ней вечеромъ, объявили ей, что сегодня tableaux vivants и балъ, рекомендовали ей портниху, вчера опять заѣхали за ней, повезли къ графинѣ Вреде (кажется) которая была съ кронъ-принцессой въ Эмсѣ и которая узнала маменьку и приняла ее очень ласково, а сегодня король прислалъ звать маменьку къ себѣ. Маменька опять была съ m-me Мейендорфъ у разныхъ дамъ, между прочимъ у графини Редернъ, la connaissance la plus utile pour *nous* ici [43]), ибо она мать директора театровъ. Теперь уже съ часъ какъ маменька, все съ тѣми же дамами, отправилась во дворецъ къ принцессѣ Лигницъ [44]), гдѣ будутъ представлять живыя картины, а потомъ будутъ танцовать до часу, какъ сказывалъ мнѣ m-r Мейендорфъ, потому что здѣсь страхъ какъ любятъ танцовать».

XIX). Берлинъ $^{3}/_{14}$ Ноября.

«Спѣшу написать нѣсколько строчекъ, чтобы не опоздать къ г-ну Фишеру, который отправляется въ Петербургъ въ пять часовъ; и то боюсь, что его не застанутъ; онъ у меня былъ два раза и познакомилъ меня съ своей женой: онъ женился въ Гамбургѣ, на дочери г-на Штруве. Скажу только тебѣ, что если что нибудь есть утѣшительнаго на счетъ холеры и на счетъ нашей Императорской Фамиліи, пиши мнѣ, чтобы я могла сообщить, потому что здѣсь были разныя лживыя вѣсти, и я выписывала изъ твоихъ двухъ писемъ и сообщала для помѣщенія въ здѣшнихъ газетахъ».

Такъ просила матушка, и отецъ мой продолжалъ сообщать намъ подробно о холерѣ. Кой-какія находятся и другія извѣстія въ его письмахъ, иногда про общество, иногда про наши семейныя дѣла, которыя даютъ понятіе либо о его личномъ характерѣ, либо объ образѣ мыслей и о людяхъ нашего круга. Онъ меня такъ переносятъ въ тогдашнее время, что, кажется, должны имѣть относительный интересъ изображеніемъ про шедшаго.

р)..... «Объ учителѣ для нашихъ мальчиковъ я уже писалъ и еще буду писать къ тебѣ. Ты знаешь, какъ трудно найти Русскаго съ умомъ и познаніями, который бы согласился не быть въ государственной службѣ: у насъ всѣ рехнулись на чинахъ, оттого и г-нъ Порай-Кошецъ думалъ ѣхать въ Берлинъ, лишь для своего собственнаго образованія, чтобы возвратясь получить званіе доктора и 8-й или 7-й классъ. Его планы разрушились, и сверхъ того онъ бѣдный опасно боленъ, какъ мнѣ сказывалъ Телешевъ, который съ нимъ познакомился во время нашихъ неудачныхъ негоціацій. Вчера я узналъ, что и одинъ изъ тѣхъ Русскихъ студентовъ въ Берлинѣ, объ которыхъ говорилъ съ тобою Сперанскій, и именно лучшій изъ нихъ, Пѣшехонцевъ умеръ. За то къ вамъ ѣдетъ другой Калмыковъ, котораго я видѣлъ и просилъ явиться къ вамъ; онъ мнѣ обѣщалъ давать уроки нашимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ, если вы не успѣли взять Неволина; впрочемъ ихъ обоихъ хвалятъ. Калмыковъ принадлежитъ къ хорошей дворянской фамиліи; онъ учился сначала-дома, потомъ въ университетахъ Петербургскомъ и Дерптскомъ и готовится въ профессоры правъ. За тѣмъ его отправляютъ въ Берлинъ на счетъ Министерства Просвѣщенія..... Да! знаешь ли, что Бутенева назначаютъ посланникомъ въ Турцію,—шагъ важный для службы его и кажется, однакожъ, что онъ этому не очень радъ. Ему успѣли наскучить и султанъ, и рейсъ-ефенди, и самъ Константинопольскій дипломатическій корпусъ; но для пользы дѣлъ,

[43]) Знакомство самое здѣсь для насъ выгодное.

[44]) Я ошиблась — это собственный дворецъ короля.

особливо въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, конечно нельзя было выбрать лучшаго министра. Бутеневъ имѣетъ и талантъ, и характеръ, и мѣстныя познанія, которыя нужны нашему агенту на Босфорѣ.... Я очень усталъ, особливо же слабъ. Вчера, послѣ общаго собранія Сената, я принужденъ былъ отдать себя въ руки Филиповскаго и цирюльника, которые поставили мнѣ 16-ть піявокъ къ боку, потому что у меня уже нѣсколько дней чрезвычайное волненіе въ крови и онѣмѣніе всей лѣвой стороны тѣла.»

с) 31-го Октября (12-го Ноября).

..... «Дашковъ все не ѣдетъ, а множество дѣлъ какъ будто съ каждымъ днемъ все больше и больше размножается, такъ что я, не смотря даже на мои безсонницы, не успѣваю спускать ихъ какъ бы мнѣ хотѣлось. Между Дашковымъ и нами стала холера, но ему дозволено не заѣзжать въ Москву, и по всей вѣроятности онъ возметъ свой путь на Тулу, Калугу, Смоленскъ и Витебскъ: ужасный крюкъ, особливо въ настоящую пору года, но авось либо хоть крюкомъ, хотя по грязи, онъ дотащится къ намъ въ началѣ Ноября [45]). Я его жду съ нетерпѣніемъ. Государь здѣсь въ Аничковскомъ дворцѣ, потому что въ Зимнемъ передѣлываютъ комнаты его и Императрицы. Благодаря Бога, мое пророчество сбылось совершенно: опасности, которымъ онъ такъ великодушно подвергался, прошли мимо его; онъ здоровъ, хотя немножко похудѣлъ, даже повидимому довольно веселъ, покрайней мѣрѣ бодръ и твердъ, не смотря на многія важныя и печальныя заботы. Я вчера обѣдалъ во дворцѣ съ княземъ Ливеномъ и нѣсколькими другими; выходя видѣлъ мелькомъ Великаго Князя Наслѣдника съ его маленькими соучениками и Мердеромъ.

Между тѣмъ и въ Одессѣ показалась холера, но доселѣ не сильная; она тамъ почти встрѣчается съ чумою. Эти двѣ заразы обѣ восточныя, хотя изъ разныхъ краевъ и разными путями, пришли къ намъ, благодаря нашему мѣсту стражей просвѣщенной Европы противъ Азіятскихъварваровъ. Казанскій губернаторъ отставленъ за болѣзнію; Пензенскій отставленъ также, но однако же, не за болѣзнію, какъ можно полагать изъ словъ указа. Новостей о томъ, что исключительно называютъ обществомъ и свѣтомъ, только одна: князь Суворовъ и фрейлина Ярцова вступаютъ въ законный бракъ; Государь при семъ случаѣ почтилъ память славнаго генералисимуса, учредивъ для внука его маіоратъ въ 25 тысячъ дохода; деньги будутъ выдаваться изъ казны князю Суворову, а послѣ него старшему его сыну, и т. д. старшимъ всѣмъ въ родѣ на вѣчныя времена».

т.) 21-го Ноября (3-го Декабря).

«Вмѣстѣ съ вашими письмами курьеръ привезъ намъ извѣстіе о паденіи Велингтонова министерства; оно произвело здѣсь довольно сильное дѣйствіе и на нашихъ, и на членовъ дипломатическаго корпуса, и въ самомъ дѣлѣ, оно важно по обстоятельствамъ. Ты знаешь, что я никогда не былъ великимъ почитателемъ Велингтона какъ министра, особливо послѣ его двухсмысленнаго и невеликодушнаго, неблагодарнаго поведенія во время нашей войны съ Турками; но теперь готовъ почти жалѣть о немъ. Богъ вѣсть, кто займетъ его мѣсто и какой системѣ будетъ слѣдовать новый первый министръ въ такую минуту, когда отъ политики Лондонскаго кабинета, можетъ быть, зависятъ спокойствіе и судьба Европы. Что касается до самой Англіи, перемѣна министерства вороятно не будетъ имѣть отмѣнно важныхъ для нея послѣдствій. Я не думаю, какъ нѣкоторые мнимые наши государственные люди, что она разрушается, что всѣ основанія настоящаго ея порядка скоро будутъ низвергнуты радикальнымъ преобразованіемъ Парламента. Въ этой землѣ, которая мнѣ извѣстна, можетъ быть, болѣе нежели многимъ другимъ, будто бы всезнающимъ, довольно элементовъ не только для прочности существованія, но въ случаѣ нужды и для возстановленія. Отъ Англіи пе-

[45]) Помнится, что тогда въ Россіи было только шоссе изъ Петербурга въ Москву.

рейдемъ къ Россіи. Я все еще управляю Министерствомъ Юстиціи. Дашковъ, какъ я надѣюсь, ѣдетъ къ намъ; но дорога его идетъ вокругъ Москвы, большимъ крюкомъ, и во Псковѣ или Твери будетъ перерѣзана карантиномъ, который продолжится дней четырнадцать. Жду его съ нетерпѣніемъ, если не для отдыха, то покрайней мѣрѣ для того, чтобы приняться за другую работу, окончаніе университетскихъ уставовъ; къ тому же времени успѣетъ вѣроятно проектъ устава протестанской церкви. Какъ мнѣ хочется поскорѣе видѣть исполненіе сихъ двухъ интересныхъ и важныхъ порученій, между прочимъ и для того, чтобы имѣть право отправиться въ отпускъ къ вамъ».

И батюшкѣ, и намъ становилась очень тягостна эта продолжительность разлуки. На меня стала находить тоска, болѣзненная, непомѣрная, по Россіи. Я писала уже короткія письма, не находя о чемъ говорить.

XX). $^{15}/_{27}$ Ноября.

«Вы когда къ намъ пріѣдете? Вы, нашъ милый, любезный папенька, когда будете къ намъ? Пишу только нѣсколько строчекъ; мнѣ такъ грустно, что я бы могла только о печальныхъ вещахъ говорить; а вамъ, я чай, и такъ не слишкомъ весело. Пожалуйста поклонитесь отъ меня Дадѣ (старая няня) и Гаврилѣ».

Если вѣрить предчувствіямъ, не даромъ томила меня тоска. Помѣщаю здѣсь письмо матушки, которое живѣе передастъ современное впечатлѣніе, нежели все, что̀ память представляетъ, какъ бы ни была она жива.

XXI). Берлинъ 22-е Ноября (4-го Декабря) 1830 г.

Сегодня пишу къ тебѣ съ курьеромъ, который вѣроятно доѣдетъ до васъ скоро. Вчера кронъ-принцъ и принцесса сдѣлали мнѣ честь — позвали на музыкальный вечеръ. Первое, чѣмъ меня встрѣлила гофъ-мейстерша принцессы Вильгельмъ [46]), было извѣстіе о возмущеніи въ Варшавѣ и кровопролитіи, которое еще продолжалось по отъѣздѣ Прусскаго эстафета, и объ отъѣздѣ оттуда Великаго Князя (Константина Павловича). Меня это сразило, и я едва могла во все время удержаться отъ слёзъ и казаться веселою. Мысль, что я и четверо нашихъ дѣтей удалены отъ тебя, и Богъ знаетъ, что̀ будетъ впереди, такъ меня потрясла, что я дрожала какъ бы на дворѣ въ морозъ. Одна моя надежда, что Богъ милосердъ; Онъ помилуетъ нашего добродѣтельнаго, сострадательнаго Государя, и съ нимъ насъ всѣхъ. Сколько для него огорченій; усердно молюсь, да покрѣпитъ его Богъ! Съ нимъ можетъ сравниться одинъ только Прусскій король и его фамилія. Какіе они всѣ добродушные, милые, какое согласіе въ ихъ семействѣ. Вчера еще я вспомнила все то, что̀ говорилъ о нихъ Жуковскій; оно совершенно справедливо. Вчера же во дворцѣ я видѣла графа Дибича, qui a pris congé de moi, je puis dire, avec tendresse [47]): нѣсколько разъ цѣловалъ у меня руки, спрашивалъ что̀ я тебѣ прикажу сказать о себѣ и о дѣтяхъ; онъ ѣдетъ сегодня вечеромъ или завтра утромъ, а теперь посылаетъ фельдъегеря, который привезетъ тебѣ это письмо».

Бѣдный Дибичъ, онъ прощался на всегда. Послѣ нѣсколькихъ успѣшныхъ сраженій, Гроховское дѣло казалось рѣшительнымъ, и въ Варшавѣ уже собирались принести ему ключи города для сдачи; какое-то непонятное опасеніе, колебаніе, ошибочный стратегическій разсчетъ заставили его остановиться, не пользуясь вновь прибывшимъ свѣжимъ войскомъ, гренадерской дивизіи, противъ которой Поляки сами не имѣли никакой надежды устоять. Когда въ военномъ совѣтѣ спросили у Хлопицкаго, которая позиція выгоднѣе для битвы, онъ отвѣчалъ: „Если бы была малѣйшая надежда на успѣхъ, можно было бы выбирать позицію; а для того чтобъ умирать, все равно, куда ни поставить армію“. Это

[46]) Нынѣ Германская императрица Августа, дочь великой княгини Маріи Павловны.

[47]) Онъ прощался со мной, могу сказать нѣжно.

мнѣ разсказывалъ графъ Ѳома Лубинскій. Муниципалитетъ стоялъ у Пражской заставы съ ключами города на подушкѣ, чтобы принять Дибича съ повинной головой, какъ скоро онъ двинется къ городу. Это мнѣ сказывали Поляки и Русскіе, бывшіе плѣнными въ Варшавѣ. Дибичь этого не зналъ конечно, и вѣроятно, обычная осторожность нашихъ старыхъ вождей, боящихся за свою репутацію побѣдителей, если будутъ хотя разъ разбиты, остановила Дибича послѣ Грохова, остановила Паскевича подъ Силистріей. Но въ нашей арміи, равно какъ и въ Берлинѣ, овладѣло сомнѣніе въ вѣрности Дибича и его главныхъ совѣтниковъ, графа Толя и Нейдгарта; посыпались клеветы, появились карикатуры; помню, между прочимъ, одну, представлявшую графа Дибича за клавикордами, играющимъ акомпаниментъ дуета Нейдгарта съ Толемъ, которые, стоя сзади его, поютъ: „еще Польска не сгинѣла“. А когда Дибичь умеръ холерой, между Русскими разнесся слухъ, что онъ съ отчаянія и страха, отъ своей измѣны, отравился. Меня грустно поразила, въ 1866-мъ уже году, пѣсня солдатская, перенесенная какъ переносится наша пѣсня, какъ переносятся вѣтромъ семена деревьевъ и травъ, на почву крестьянскую въ Вяземскомъ уѣздѣ, къ намъ въ деревню. Пѣли наши мужики:

„Объ измѣнушкѣ,
О великой той измѣнѣ
Графа Дибича“

И пѣли они еще:

„Пишетъ, пишетъ графъ Паскевичь
Бѣлому Царю,
Собирайся, снаряжайся
Со всей арміей, пѣхотой
И со конной гвардіей“.....

Крестьяне наши, кажется, повторили пѣсню, не обращая никакого вниманія на слова и не обижая памяти бѣднаго Дибича, но все таки было грустно встрѣтить эту долговѣчную клевету, неуловимо облетающую Русь. Въ Берлинѣ же легенда приняла другой оборотъ, и нельзя было разувѣрить публику средняго класса, между прочимъ, нашего учителя Ноеля, что Дибичь былъ отравленъ графомъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ, и Великій Князь Константинъ Павловичь тоже. Я помню, что на Орлова, который вскорѣ послѣ пріѣзжалъ въ Берлинъ, смотрѣли съ ужасомъ, какъ на какого-то члена *Vehmgericht*, или трибунала троихъ въ Венеціи. Однако я забѣгаю впередъ. Война еще, можно сказать, не начиналась; но двѣ большія ошибки уже были сдѣланы съ обѣихъ сторонъ и уничтожили всякую надежду на примиреніе. Константинъ Павловичь самъ отпустилъ или, лучше сказать, отослалъ къ мятежникамъ Польскіе полки, оставшіеся вѣрными присягѣ; Поляки, же въ полномъ народномъ собраніи, объявили низверженіе Русской царской династіи. Графъ Ѳома Лубинскій былъ тогда генераломъ Польской арміи, т. е. королевской, присягнувшей Николаю Павловичу, считавшей его законнымъ королемъ Польши. Онъ мнѣ самъ разсказывалъ о глубокой горести, о безнадежности своей и многихъ другихъ генераловъ, и между прочимъ Хлопицкаго, когда рьяные патріоты, т. е. старые заговорщики и юные энтузіасты, предложили этотъ безумный декретъ, который разрывалъ всякую связь съ недавно-прошедшимъ и уничтожалъ, вмѣстѣ съ хартіей, всѣ привиллегіи, дарованныя Александромъ I-мъ. Онъ съ нѣкоторыми другими говорилъ горячо противъ предложенія, хотѣлъ подать голосъ свой противъ и выдти изъ собранія и изъ службы. Его удержалъ Радзивилъ: онъ подозвалъ его къ себѣ и сказалъ тихо: „Что вы дѣлаете, васъ только горсть; движенія вы не остановите; оставляя армію безъ нѣсколькихъ опытныхъ генераловъ, можетъ быть раздробляя ее на партіи, вы отымаете надежды на удачу вашихъ собственныхъ желаній. (Vous ôtez les chances de réussite à vos propres voeux). Передъ дружной арміей Русское правительство, можетъ быть, согласится на уступки;

Великій Князь самъ же нѣкоторымъ образомъ даетъ санкцію (sanctionne) нашему отпору и возвращаетъ войско". Графъ Лубинскій говорилъ, что такія надежды—безумство. „Чего же вы желаете (отвѣчали ему) развѣ произвести междоусобную войну между нами самими? Польша погибнетъ". —„Она уже погибла, сказалъ Лубинскій. Вы правы, намъ остается только не за неё, а съ нею умереть. Въ самомъ дѣлѣ, грозило междоусобіе въ самой арміи и ужасы безпощадной рѣзни. Я былъ поставленъ между двумя обязанностями, между вѣрностью присягѣ и вѣрностью родинѣ, и я ни минуты не обольщался надеждою на спасеніе Польши. Il fallait courir au plus pressé и сохранить по крайней мѣрѣ единство собранія; я остался съ мятежниками, въ полномъ сознаніи безполезности ихъ дѣйствій".

Этотъ разсказъ графа Лубинскаго остался неизгладимъ въ моей памяти, и часто, часто казалось, что слышится онъ мнѣ, когда опять увлекаются благородныя, прямодушныя натуры вслѣдъ за легкомысленной толпой, которая губитъ и ихъ, и себя, не достигая никакой цѣли. И все таки, это явленіе повторяется, и все таки у честныхъ людей не хватаетъ твердости и иниціативы, которыми бы поставить предѣлъ гнуснымъ страстямъ однихъ и вѣтренной самоувѣренности другихъ. Вообще, чѣмъ дольше живу на свѣтѣ, тѣмъ больше убѣждаюсь, что честные люди во всемъ виноваты; а все таки не могу ихъ не любить, не могу отъ нихъ отстать, не могу не желать принадлежать къ числу ихъ. Alphonse Karr гдѣ-то написалъ, что раздѣленіе человѣчества на народы только географическая фикція; этнографія не имѣетъ никакого значенія, обитатели той или другой земли все таки составляютъ группы независимыя ни отъ мѣста жительства, ни отъ языка. Есть повсюду нація поэтовъ, есть нація купцовъ, есть нація мошенниковъ, есть нація, или лучше сказать, пугливая группа честныхъ людей, Которые вездѣ встрѣчаютъ одинаковыя оскорбленія, одинаковое презрѣніе и пьютъ изъ той же чаши [48]).

Извѣстія о всемъ высказанномъ дошли до Петербурга, кажется, именно черезъ Берлинъ. Вотъ письмо отца моего:

у) „28-е Ноября (10-е Декабря).

Съ нѣкотораго времени вы ко мнѣ пишите коротенькія письма съ курьерами и съ почтою. На сей разъ я хочу послѣдовать вашему примѣру и также писать вамъ не много, не оттого что я болѣе обыкновеннаго боленъ, но затѣмъ что усталъ до изнеможенія отъ трудовъ разнаго рода, которыми былъ наполненъ весь мой нынѣшній день и вечеръ. Сверхъ того признаюсь, мнѣ не очень хочется говорить о томъ, что̀ теперь занимаетъ всѣхъ насъ. Восточная холера теперь прекращается; за то появилась западная, моральная. Слава Богу, однакоже не въ Россіи, а только въ присоединенномъ къ ней Царствѣ. Вы конечно уже знаете столько же или больше насъ объ измѣнѣ, которую безъ всякаго ультрамонархизма можно назвать гнуснѣйшею изъ гнусныхъ. Такъ Варшавскіе Поляки, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, платятъ за благодѣянія, за востановленіе ихъ отечества, за необыкновенную, почти невѣроятную степень благосостоянія, до которого Царство Польское доведено въ 15 лѣтъ подъ скипетромъ императоровъ Александра и Николая; и неблагодарные могутъ думать, что сія неблагодарность останется ненаказанною! Развѣ нѣтъ Провидѣнія?

Вы, безъ сомнѣнія, отгадали, какое дѣйствіе произвели извѣстія о новыхъ Варшавскихъ происшествіяхъ. Первое получено въ прошедшій вторникъ, вечеромъ, довольно поздно. На другой день, послѣ парада военнаго праздника Св. Георгія, Государь самъ объявилъ обо всемъ передъ рядами гвардіи, и за симъ послѣдовала трогательная, возвы-

[48]) La bande timide des honnêtes gens qui partout recoivent les mêmes avanies, les mêmes dédains et boivent la même eigne.

шающая душу сцена. Восторгъ усердія, какъ ударъ электричества, произвелъ чрезвычайное общее движеніе въ войскѣ; всѣ генералы, офицеры, говорятъ, нѣкоторые рядовые, устремились къ Государю, окружили его, тѣснились, какъ будто составляя для него живой изъ себя оплотъ и тысячу разъ повторяя любезную Русскую клятву: «умереть за честь Царя, за цѣлость Имперіи!» Тутъ были, какъ сказываютъ, и посторонніе свидѣтели, члены дипломатическаго корпуса. Они могутъ въ нешифрованныхъ депешахъ донести своимъ Дворамъ о расположеніи умовъ въ Россіи. Вѣнецъ, носимый Николаемъ I-мъ, не изъ розъ. Судьба часто испытываетъ его твердость сильными противностями; но онъ имѣетъ утѣшеніе достойное его сердца, и въ настоящемъ случаѣ, конечно не безъ слезъ сладостнаго умиленія, слышалъ и еще слышитъ голосъ своихъ истинныхъ подданныхъ, своихъ дѣтей, ибо клики усердныхъ войновъ его гвардіи повторяются всѣми и всюду. Русскіе не умѣютъ выдавать своихъ Царей, особливо такого Царя.....

Войска для усмиренія мятежниковъ готовы, и вѣроятно теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже двинулись».

ф) „$^{5}/_{17}$ Декабря.

Мнѣ разсказывать сегодня почти нечего, да что-то и не хочется: я очень нездоровъ, очень слабъ и сверхъ того очень усталъ отъ безпрерывной работы, которую часто можно назвать механическою, но которая утомляетъ и умъ вмѣстѣ съ тѣломъ. О происшествіяхъ въ Царствѣ Польскомъ вы въ Берлинѣ узнаёте прежде насъ; вѣроятно, знаете также, по крайней мѣрѣ изъ газетъ, что графъ Дибичъ назначенъ главнокомандующимъ новой дѣйствующей арміи, которая сбирается на западныхъ нашихъ границахъ. Онъ пріѣхалъ въ понедѣльникъ, а со вторника нездоровъ; его посѣщаетъ лихорадка, едва ли не Молдавская. Я съ нимъ видѣлся третьяго дня; сказываютъ, что сегодня ему лучше.

Прости; право, я такъ слабъ, что насилу держу перо и почти не вижу что пишу. Сверхъ того, ужъ и поздно, а завтра (Николинъ день) надобно съ утра наряжаться, чтобы ѣхать во дворецъ».

х) „$^{12}/_{24}$ Декабря.

Пишу къ вамъ, во первыхъ, чтобъ ты, мой милый другъ, не вздумала безпокоиться, не вообразила меня мертвымъ; во вторыхъ, и за тѣмъ, чтобы доставить вамъ экземпляръ читаннаго сегодня въ Сенатѣ и сегодня же обнародованнаго манифеста [49]).

Не знаю, удалось ли мнѣ въ сей бумагѣ хоть не совсѣмъ дурно выразить мысли и чувства нашего добраго Государя, твердаго и человѣколюбиваго. Эти мысли и чувства таковы, что, право, безъ лести, Русскіе могутъ и утѣшаться и гордиться, видя его на престолѣ Россіи; они безъ сомнѣнія тронутъ и васъ за границей». -

МАНИФЕСТЪ.

Божіею Милостію

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Императоръ и Самодержецъ

Всероссійскій

и пр. и пр. и пр.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Гнусная измѣна поколебала соединенное съ Россіей Царство Польское. Люди злоумышленные, необезоруженные благодѣяніями незабвеннаго Императора Александра, великодушнаго возстановителя страны ихъ, подъ кровомъ дарованныхъ Имъ законовъ, наслаж-

---

[49]) Манифестъ этотъ произвелъ сильное дѣйствіе на многихъ. Между прочимъ, старый графъ Никита Петровичъ Панинъ, былъ отъ него въ восторгѣ и говорилъ: „Je voudrais aller à Pétersbourg pour voir et embrasser le jeune homme d'état qui a écrit ce manifeste, car il est vraiment d'un homme d'état". (Я бы желалъ поѣхать въ Петербургъ, чтобы увидать и обнять молодаго государственнаго человѣка, написавшаго этотъ манифестъ; ибо онъ поистиннѣ государственный человѣкъ). Отцу моему было тогда 45 лѣтъ, а графу Панину за 60.

даясь плодами попеченій Его, готовили въ тайнѣ ковъ для испроверженія учрежденнаго Имъ порядка, и 17-го минувшаго Ноября ознаменовали начало своихъ дѣйствій мятежемъ, кровопролитіемъ, преступнымъ покушеніемъ на жизнь любезнѣйшаго брата нашего Цесаревича Константина Павловича. Пользуясь темнотою вечера, они устремили толпу возбужденной ими неистовой черни къ Дворцу Его; и въ тоже время, въ разныхъ частяхъ Варшавы, распространяя нелѣпый слухъ, что Россійскія войска истребляютъ мирныхъ жителей, успѣли симъ обманомъ увлечь за собою народъ и наполнить городъ всѣми ужасами безначалія. Цесаревичъ, съ собравшимися къ нему Россійскими войсками и тѣми изъ Польскихъ, кои оставались вѣрны своему долгу, расположился близь Варшавы и рѣшился не дѣйствовать наступательно, чтобы, отвращая всякій поводъ къ новымъ кровопролитіямъ, явно доказать нелѣпость и коварность извѣта и дать гражданскимъ начальствамъ время и средство, при помощи благомыслящихъ жителей, вразумить заблуждающихся и обуздать злонамѣренныхъ. Сія надежда не исполнилась. Правительственный Совѣтъ не могъ возстановить порядка; безпрестанно угрожаемый мятежниками, кои составили изъ среды своей нѣсколько противузаконныхъ обществъ, измѣняя составъ своей удаленіемъ Нами поставленныхъ членовъ и призваніемъ новыхъ, по требованіямъ предводителей бунта, онъ только умолялъ Цесаревича возвратить бывшія съ нимъ Польскія войска въ Варшаву, для спасенія собственности общественной и частной отъ новыхъ расхищеній. Вскорѣ сей Совѣтъ разрушился, и вся власть осталась въ рукахъ одного изъ генераловъ. Между тѣмъ, духъ мятежа распространялся по всѣмъ областямъ Царства Польскаго; вездѣ употребляли тѣ же средства, обманъ, угрозы, обольщенія, чтобы мирныхъ гражданъ поработить владычеству немногихъ возмутителей. Въ сихъ важныхъ и печальныхъ обстоятельствахъ, Цесаревичъ нашелъ необходимымъ, удовлетворяя желанію Правительственнаго Совѣта, дозволить [50]) *малому числу Польскихъ войскъ вѣрными пребывшихъ* возвратиться въ Варшаву, чтобы по возможности охранить личную безопасность жителей, и самъ съ Россійскими полками выступилъ изъ предѣловъ Царства Польскаго. 1-е Декабря, онъ прибылъ въ мѣстечко Влодаву, Волынской губерніи.

Такъ совершилось злодѣяніе, можетъ быть издавна умышляемое. Народъ Царства Польскаго, послѣ столь многихъ превратностей, наслаждавшійся миромъ и благодѣтствіемъ подъ сѣнію Державы Нашей, снова ввергнутъ въ пучину мятежей и бѣдствій, и минутно овладѣвшая имъ толпа легкомысленныхъ, хотя уже волнуемая страхомъ близкаго наказанія, дерзаетъ мечтать о торжествѣ, и Намъ, своему Государю законному, предлагать условія. Россіяне! Вы знаете, что Мы ихъ отвергнемъ съ негодованіемъ. Сердца ваши, пылающія ревностію къ Престолу, понимаютъ всѣ чувства Нашего сердца. На первую вѣсть о измѣнѣ, вы отвѣтствовали повтореніемъ клятвъ непоколебимой вѣрности, и нынѣ, на всемъ пространствѣ Нашей обширной Имперіи, мы видимъ одно движеніе: всѣ одушевляются однимъ желаніемъ не щадить трудовъ, жертвовать достояніемъ и жизнію за честь Царя своего, за цѣлость Государства. Мы съ умиленіемъ взираемъ на сей великодушный порывъ народной любви къ Намъ и Отечеству и вмѣняемъ Себѣ въ священный долгъ отвѣчать на оный словами успокоенія. Новыя жертвы, новыя усилія будутъ не нужны. Съ Нами Богъ, поборникъ справедливости, и могущество Россіи, однимъ рѣшительнымъ ударомъ, можетъ смирить дерзнувшихъ смутить Ея спокойство. Наши вѣрныя войска, еще недавно прославленныя новыми побѣдами, уже собираются на Западныхъ границахъ Имперіи. Мы готовы карать вѣроломство; но хотимъ отличить невинныхъ отъ преступниковъ, хотимъ миловать и слабыхъ, по слѣпотѣ или боязни слѣдующихъ противозаконному влеченію. Не всѣ подданные Наши Царства Польскаго, не всѣ жители Варшавы были участниками бунта и плачевныхъ его слѣдствій: многіе доказали славною смертію, что знали долгъ свой; другіе, какъ Мы видимъ изъ донесенія Цесаревича, съ слезами отчаянія, принужденно возвратились въ мѣста подвластныя мятежникамъ. Они съ обманутыми и обольщенными, безъ сомнѣнія, составляютъ большую часть войска и народа Царства Польскаго. Мы къ нимъ обращаемся въ воззваніи отъ 5-го сего мѣсяца, въ коемъ, изъявивъ Наше преведное негодованіе къ вѣроломству, повелѣваемъ немедленно положить конецъ своевольствамъ и противозаконнымъ вооруженіямъ, возстановивъ весь прежній порядокъ. Симъ ови могутъ еще загладить вины своихъ соотечественниковъ и спасти Царство Польское отъ гибельныхъ послѣдствій... ..... Указавъ имъ единственное средство избавленія, Мы о семъ дѣйствіи Нашего милосердія объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ, да видятъ въ немъ и твердую Нашу волю ограждать неприкосновенность правъ Престола и Отечества, и намѣреніе столь же твердое щадить заблужденіе, очищаемое раскаяніемъ.—Россіяне! Примѣръ Царя Вашего будетъ Вашимъ руководствомъ: правосудіе безъ мщенія, непоколебимость въ борьбѣ за честь и пользы Государства безъ ненависти къ ослѣпленнымъ противникамъ, любовь и уваженіе къ тѣмъ изъ подданныхъ

[50]) Эти слова прибавлены рукою Государя.

Нашихъ Царства Польскаго, кои вѣрны данной Намъ клятвѣ; готовность къ примиренію со всѣми, кои возвратятся къ долгу. Вы оправдаете надежды Наши, какъ оправдывали ихъ до нынѣ. Пребывайте въ спокойствѣ, въ твердомъ упованіи на Бога, всегда благодѣющаго Россіи; въ твердой довѣренности къ Монарху, Который знаетъ великость и святость Своихъ обязанностей: быть хранителемъ цѣлости и достоинства Державы Своей и славы имени Русскаго.

12-го Декабря.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ ВОЙСКАМЪ И НАРОДУ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО.

Совершившееся въ Варшавѣ гнусное злодѣяніе поколебало внутреннюю тишину страны вашей. Извѣстіе о семъ, возбудивъ въ Насъ праведное негодованіе, наполнило сердце Наше прискорбіемъ.

Сборище людей недостойныхъ, безславящихъ имя Польское, дерзнуло умышлять на жизнь Брата Государя вашего; они склонили часть войскъ къ измѣнѣ, и въ ослѣпленной народной толпѣ распространили пагубныя заблужденія на счетъ драгоцѣнѣйшихъ пользъ вашего отечества.

Еще не поздно изгладить минувшее, еще есть время предупредить безчисленныя бѣдствія. Кто не замедлитъ отречься отъ преступнаго, но минутнаго увлеченія, того Мы не смѣшаемъ съ упорными въ злодѣйствѣ. Обитатели Царства Польскаго! Внемлите увѣщанію Отца, повинуйтесь велѣнію Царя вашего.

Мы желаемъ, чтобъ воля Наша и всѣ наши намѣренія были въ точности извѣстны, и повелѣваемъ:

1-е. Чтобъ всѣ задержанные въ Царствѣ Польскомъ Наши Россійскіе подданные были освобождены безъ отлагательства.

2-е. Чтобъ Правительственный Совѣтъ въ первобытномъ своемъ составѣ вступилъ снова въ исправленіе своихъ прежнихъ обязанностей, и во всѣ права власти коею онъ облеченъ указомъ Нашимъ 31-го Іюля (12 Августа) 1826 года.

3-е. Чтобъ въ столицѣ и областяхъ исполняли безпрекословно предписанія Именемъ Нашимъ посылаемыя изъ Правительственнаго Совѣта, въ прежнемъ онаго, какъ сказано выше, составѣ, не признавая никакой иной власти незаконно-установленной.

4-е. Чтобъ, съ полученіемъ сего, начальники каждаго изъ корпусовъ нашей Польской арміи, немедленно собравъ войска имъ ввѣренныя, шли безостановочно къ Плоцку, гдѣ назначается общее сборное мѣсто Нашей Польской арміи.

5-е. Чтобы начальники корпусовъ неукоснительно донесли Намъ о состояніи командуемыхъ ими войскъ.

6-е. Чтобъ всякое вооруженіе, къ коему приступлено по случаю мятежа въ Варшавѣ и которое не принадлежитъ къ комплекту Нашей арміи, штатомъ опредѣленному, было отмѣнено.

Сообразно сему, поручается мѣстнымъ начальствамъ, отобравъ оружіе у всѣхъ получившихъ оное не на законномъ основаніи, отдать немедленно на сохраненіе стражѣ ветрановъ и жандармамъ того мѣста.

Воины Польской арміи! Во всѣ времена вы славились честію и вѣрностію. Храбрый конно-егерьскій полкъ Нашей гвардіи и нынѣ явилъ новый, навсегда незабвенный, опытъ сихъ доблестей. Воины! Слѣдуйте сему примѣру, оправдайте ожиданія Монарха, коему вы дали клятву вѣрности.

Обитатели Царства Польскаго! Сіе воззваніе докажетъ всѣмъ непричастнымъ къ измѣнѣ, что Мы умѣемъ вѣрить ихъ приверженности, умѣемъ полагаться на ихъ мужество.

Оно для васъ ручательствомъ, что тѣ, кои, бывъ увлечены однимъ мгновеннымъ заблужденіемъ, поспѣшатъ возвратиться къ долгу, не будутъ отринуты.

Но къ вѣроломнымъ, незнающимъ чести, злодѣямъ, возмутившимъ спокойство своихъ согражданъ, не обращается слово Царя вашего. Ужель, прибѣгнувъ къ оружію, они смѣютъ надѣяться измѣной достигнуть исполненія своихъ видовъ и склонить Насъ къ уступкамъ! Вскорѣ увидятъ лживость сихъ преступныхъ надеждъ. Они—губители родной страны своей, и всѣ бѣдствія ей грозящія падутъ на главы ихъ.

Дано въ С. Петербургѣ 5/17 Декабря 1830-го года

и) „ 19/31 Декабря.

..... Право не знаю, какъ мнѣ удастся дотянуть свою ношу до пріѣзда Дашкова, который все еще не пріѣхалъ, все еще въ Рязани, или въ дорогѣ, Богъ вѣсть; слухи объ немъ разные, и письма его и жены его доходятъ сюда очень неисправно, благодаря худому состоянію нашихъ замосковныхъ почтъ и карантинамъ, которые во многихъ мѣстахъ доселѣ существуютъ, хотя почти вездѣ холера прекращается. Правда, что еще не совсѣмъ прекратилась даже въ Москвѣ. Ты объ этомъ вѣроятно знаешь изъ газетъ; узнаешь изъ нихъ и объ отъѣздѣ графа Дибича къ арміи. Онъ, вчера ввечеру, отправился въ Динабургъ, гдѣ покуда будетъ его главная квартира. Между тѣмъ войска начинаютъ соби-

раться на западныхъ границахъ; и между тѣмъ также сюда пріѣхали Любецкой и Іезерской, которые можетъ быть воображали себя послами Царства Польскаго. Они получили пріемъ, который должны были ожидать, совершенно сообразный съ словами манифеста 12-го Декабря. Кстати о дѣлахъ Польскихъ: Антуанета разсказываетъ мнѣ о страшномъ метеорѣ, который озарилъ Варшаву и такъ перепугалъ сосѣдственныя деревни, что тамъ ударили въ набатъ. Скажи ей, что этотъ метеоръ былъ въ тотъ самый день 25-го Ноября, когда Государь, получивъ извѣстіе о возмущеніи въ Варшавѣ, объявилъ его своей гвардіи, et quand Sa garde, pour parler comme Chateaubriand, lui répondit par un cri de fidelité» [51]).

XXII). «Мы получили въ воскресенье Ваше письмо отъ 28-го и съ радостію прочли что̀ пишете о 26 Ноября. Дай Богъ, чтобы гвардія была также усердна на дѣлѣ, какъ на словахъ. Я увѣрена, какъ Вы, что нашъ народъ *не умѣетъ выдавать своихъ Царей*, и что воодушевляетъ его тотъ же духъ, который велъ отцевъ нашихъ къ побѣдѣ, или честной смерти, за Царя и Святую Русь. Мы знали давно все, что̀ Вы намъ пишете о Варшавѣ, но ожидали съ нетерпѣніемъ извѣстій изъ Петербурга. Здѣсь до сихъ поръ, не смотря повсѣ увѣренія въ противномъ, вѣрятъ, что разбиты были стекла вслѣдствіе уличнаго бунта [52]): вотъ дурныя послѣдствія системы политической скрытности, которой слѣдовали такъ долго у насъ, что даже теперь, когда благоразумно рѣшились печатать правду о всемъ что̀ случается, всетаки подозрѣваютъ какую-то тайну. Вы говорите, что наши письма слишкомъ коротки, однако я записываю все что̀ хоть мало-мальски похоже на извѣстія и буду писать къ вамъ, какъ скоро услышу что либо, что̀ могло бы васъ интересовать; впрочемъ, если маменька не запретитъ, потому что теперь, какъ увѣряютъ, вскрываютъ всѣ письма, даже посланныя съ курьерами; если это правда, тѣмъ хуже для тѣхъ, которые читаютъ: имъ случится иногда найти такія истины, которыя не будутъ совсѣмъ пріятны для нихъ. На столѣ, гдѣ я пишу, лежатъ два прибавленія (Supplémens) къ Journal de St. Pbourg объ Варшавѣ, и ни слова о восторгѣ, съ которымъ слушали и отвѣчали на рѣчь Государя на парадѣ. Какъ Лаваль не догадливъ! Мнѣ кажется неумѣстна наша скромность на счетъ того, что̀ въ самомъ дѣлѣ дѣлаетъ честь вмѣстѣ Государю и его народу. Печатаютъ большими буквами на самомъ видномъ мѣстѣ въ газетѣ, какой орденъ былъ кому пожалованъ, въ какой день, а помѣщаютъ гдѣ-то въ уголкѣ стереотипнымъ шрифтомъ, возлѣ скучнѣйшихъ отчетовъ министра финансовъ, встрѣчу Государя въ Москвѣ.

Есть такія вещи, которыя бы не дурно перенять у Французовъ; посмотрите на ихъ газеты: не проходитъ дня, чтобъ не сказали что нибудь въ похвалу короля: Le Roi est allé se promener en frac, le bon Roi! Il a conduit la partrouille, l'excellent Roi!— Il s'est baissé pour ramasser le chapeau de Lafayette, oh! le Roi incomparable! Они пользутся всякимъ случаемъ, чтобы сказать, какъ онъ любимъ, и слѣдовательно какъ онъ силенъ: ибо конечно величайшая сила царя состоитъ въ любви его подданныхъ, и мнѣ бы хотѣлось, чтобъ иностранцы знали, что мы любимъ нашего Государя столько же и лучше, чѣмъ они любятъ своихъ.

Антонина».

Манифестъ и воззваніе къ Польскому народу произвели большое дѣйствіе въ Берлинѣ, гдѣ, кажется, не ожидали такихъ рѣшительныхъ мѣръ, потому что вѣрили слухамъ о Богъ вѣсть какихъ опасностяхъ самой Россіи. Я нахожу отголосокъ этого въ письмѣ матушки.

XXIII). 7/19 Декабря.

..... Я съ нетерпѣніемъ ожидала извѣстій отъ тебя, здѣсь слухи были весьма дур-

[51]) И когда его гвардія скажу словами Шатобріана, отвѣчала ему единогласной клятвой въ вѣрности.

[52]) Нѣсколько молодыхъ людей, на веселѣ, послѣ ужина, выбили стекла въ ресторанѣ.

ные о Петербургѣ и, въ первую минуту, меня очень обезпокоили, но тотъ часъ же я подумала, что это вздоръ и ничто иное какъ вѣсти, нарочно распущенныя злоумышленниками Польскими. Здѣсь всѣ очень безпокоились; я ихъ увѣряла, что это все ложь и не можетъ быть. Говорили о выбитыхъ стеклахъ, но какъ объ этомъ писали Гагарины и сказывалъ Ремеръ, то я растолковала, что это было ничто иное какъ шалости какихъ-то молодыхъ мальчиковъ, въ чемъ, наконецъ, убѣдились изъ здѣшнихъ Нѣмецкихъ газетъ. Это все наущенія мерзкихъ Французовъ; пора бы намъ поочистить Россію отъ этого яду, чтобъ было спокойствіе у насъ. Вчера мы, Русскіе, праздновали имянины нашего любезнаго Государя, столь достойнаго любви и преданности. Начали обѣдней и молебномъ, гдѣ усердно молились, потомъ у нашего посланника былъ завтракъ для всѣхъ Русскихъ, и графъ Алопеусъ читалъ намъ манифестъ. Между прочими былъ у обѣдни и на завтракѣ одинъ Полякъ, который, когда сдѣлалось возмущеніе (онъ военный) оставилъ Польшу, не хотѣлъ быть съ ними и явился сюда. Не знаю его фамиліи..... Сколько смертей въ газетахъ! Отправился и Benjamin Constant. Я въ одномъ обществѣ говорила: странно, что мы только успѣли прочесть, что Benjamin Constant говорилъ рѣчь въ Камерѣ, и вдругъ за тѣмъ узнаемъ, что онъ умеръ, ударъ что-ли?. На это мнѣ отвѣчали: тѣмъ лучше! Voilà un libéraliste de moins, il serait temps que Lafayette le suive [53]).»

Lafayett-а безпрестанно называли въ рѣчахъ, въ адресахъ: „Le héros de deux mondes“ [54]), потому что онъ участвовалъ въ Америкѣ, въ войнѣ за независимость. Langeron, который былъ товарищъ его въ молодости, находилъ смѣшнымъ наивное удовольствіе, съ которымъ онъ принималъ всю эту лесть и похвалу, и говаривалъ о немъ въ это время: «Quand est ce que ce niais de deux mondes passera dans le troisième?„ [55]) При случаѣ одной овацiи, приготовленной Лафайету во время трехъ-дневнаго междуцарствія Іюльскаго, онъ, въ добродушномъ упоеніи славою, представилъ собранному народу Луи-Филиппа Орлеанскаго, рекомендуя его въ короли и прибавилъ: C'est la meilleure des Républiques. Разумѣется, этимъ словомъ воспользовались приверженцы Луи-Филиппа, и безпрестанно его повторяли въ похвалу своего избранника. Одинъ изъ маленькихъ журналовъ не преминулъ поострить надъ этимъ, признавая авторитетъ Лафайета, который сказалъ:

„C'est la meilleure des Républiques“.
Puisqu'il le dit, je le veux bien;
Mais c'est la preuve sans réplique
Que la meilleure ne vaut rien.“ [56])

Въ это время пріѣхалъ изъ Варшавы отпущенный изъ плѣна мятежниковъ одинъ изъ чиновниковъ служившихъ при Дипломатической Канцеляріи Великаго Князя. Онъ былъ племянникъ графа Алопеуса, Финляндецъ кажется, но женатъ на Полькѣ, оттого, можетъ быть, и смиловались надъ нимъ. Онъ первый привезъ намъ подробныя извѣстія о положеніи Русскихъ послѣ выѣзда Великаго Князя изъ Варшавы.

XXIV). „$^{13}/_{25}$) Декабря.

Хотя письмо это и отправится, можетъ быть, не скоро (писала я къ отцу моему) однако не хочу откладывать и записываю тотчасъ любопытныя подробности, которыя боюсь забыть. Я слышала ихъ сегодня отъ Бюцова, которому посчастливилось получить паспортъ для проѣзда изъ Варшавы сюда. Вы не знаете, можетъ быть, что онъ уже три года женатъ на Полькѣ, что у нихъ дочка лѣтъ около двухъ и что его старшая сестра жила

---

53) Вотъ однимъ либералистомъ менѣе, пора бы Лафайету отправиться туда же.

54) Герой двухъ міровъ.

55) Когда же этотъ юродивый двухъ міровъ отправится въ третій, т. е. на тотъ свѣтъ?

56) Это лучшая изъ республикъ. Пожалуй, мы съ нимъ согласны; но это доказательство, что лучшая изъ республикъ никуда не годится.

съ ними. Утромъ $^{17}/_{29}$ Ноября, т. е. въ два часа пополудни, онъ былъ съ докладомъ у Великаго Князя (Новосильцевъ уѣхалъ въ Россію за нѣсколько дней передъ тѣмъ). Въ половинѣ девятаго вечеромъ, въ тотъ же день, Бюцовъ спокойно пилъ чай съ женою и сестрою, когда имъ послышались крики и что-то похожее на перестрѣлку въ дали; они подбѣжали къ окошку и увидѣли Польскаго жандарма, скачущаго въ карьеръ, преслѣдуемаго тремя людьми во фракахъ, съ обнаженными саблями. Скоро они исчезли изъ виду, но черезъ нѣсколько времени жандармъ опять проскакалъ, но уже потерявъ киверъ, и одинъ изъ его преслѣдователей скакалъ за нимъ, крича: «Дай коня!» На что тотъ продолжалъ отвѣчать: «Не дамъ, не дамъ.» Еще люди показались съ обнаженными саблями и бѣлыми кокардами, бѣгали взадъ и впередъ, размахивая руками и оружіемъ, и вскорѣ явился одинъ Польскій полкъ, который поставили подъ окошками Бюцова (онъ жилъ подлѣ Брюлевскаго дворца). Онъ вообразилъ, что этотъ полкъ приведенъ туда по приказанію Великаго Князя, и когда онъ услышалъ артилерійскіе выстрѣлы, то пожалѣлъ *о бѣдномъ народѣ*, думая, что былъ какой нибудь шумъ, или смятенье не важное. Однако, въ три часа ночи, гулъ пушекъ былъ опять слышенъ; его безпокойство усилилось, когда услышалъ онъ, что подъ окномъ на улицѣ называютъ его по имени. Жена его уже ушла спать, но сестра была въ такомъ волненіи, что не думала ложиться. Она открыла форточку и увидѣла одного бывшаго служителя ихъ, котораго за нѣсколько дней передъ тѣмъ прогнали за пьянство. Она слышала, какъ онъ говорилъ двумъ вооруженнымъ таварищамъ, что надобно убить Бюцова, если онъ попадетъ къ нимъ въ руки. Тогда Бюцовъ заперъ всѣ двери въ домѣ, и эти люди ушли. На другое утро шуринъ его пришелъ, тоже вооруженный, съ бѣлыми кокардами, совѣтовать имъ всѣмъ перейти въ его домъ, ради безопасности. Они взяли ребенка и всѣ цѣнныя вещи, которыя можно было захватить съ собой и, надѣвъ бѣлыя кокарды, прошли пѣшкомъ черезъ нѣсколько улицъ, гдѣ вооруженные мущины и женщины и даже мальчики семи-восьми лѣтъ, которые съ трудомъ держали ружья, всѣ стрѣляли на авось, въ разныя стороны, безъ всякой цѣли. Бюцовъ провелъ ночь у родственниковъ жены; но тотъ же слуга, о которомъ выше сказано, приходилъ на квартиру Бюцова съ товарищами, не нашелъ его и пришелъ искать его въ домъ шурина. Бюцовъ побоялся ввести въ опасность родственниковъ и отправился съ шуриномъ просить защиты правительства. По дорогѣ ихъ вездѣ встрѣчали съ словами: «Вы Поляки? Пойдемте, выпьемте вмѣстѣ, а тамъ возмите ружья и подеремтесь за отчизну». Они наконецъ добрались до ратуши, въ которой засѣдало *временное правительство*. Тамъ Бюцовъ остался три дня подъ его покровительствомъ; тогда ему сказали, что будетъ болѣе безопасно въ Замкѣ, гдѣ находились всѣ другіе Русскіе, и отправили его подъ сильнымъ карауломъ. Его женѣ позволили жить съ нимъ въ его заключеніи, потому что они просто были въ плѣну, гдѣ они оставались около двѣнадцати дней. Наконецъ, ему удалось получить паспортъ въ Берлинъ. Онъ самъ удивляется своему счастью, ибо всѣ Русскіе, которые находятся «sous la sauvegarde de l'honneur national»[57]), просто содержатся подъ стражей какъ заложники. Впрочемъ не было рѣзни, кромѣ убіенія жандарма, котораго добили прикладами ружейными, когда онъ упалъ изнемогающій отъ ранъ... Желаю вамъ счастливаго новаго года, болѣе счастливаго, по крайней мѣрѣ, нежели этотъ, котораго происшествія были таковы, что пали тяжело даже на самыхъ скромныхъ, мирныхъ, частныхъ людей, и точно можно сказать, что мы спали на волканѣ»[58]).

---

[57]) Подъ защитой національной чести (или чести народа).

[58]) Выраженіе это было тогда въ ходу; послѣ статьи Сальванди, описывающей балъ у герцога Орлеанскаго, гдѣ было сказано: „Nous dansions sur un volcan“.

XXV). „$^{17}/_{29}$ Декабря, Берлинъ.

. . . . . «Я только что кончила учить урокъ на арфѣ къ завтрашнему; уже 12 часовъ ночи; скажу вамъ только, что мы сегодня читали Государево «воззваніе къ войскамъ и народу Царства Польскаго»; не знаю, каково оно на Русскомъ, или на Французскомъ, но на Нѣмецкомъ оно очень, очень хорошо; неужели Несельродъ могъ это написать? Я не думаю, чтобъ онъ былъ въ состояніи: для этого надобно быть Русскимъ.»

XXVI). 24 Декабря (5 Генваря).

. . . . . «Благодарю тебя очень за манифестъ, который, сколько умѣю судить, мнѣ кажется прекраснымъ (писала матушка) и здѣсь его хвалятъ, хотя въ Нѣмецкомъ переводѣ, и, какъ сказывалъ Бюцовъ, очень дурномъ; когда я его читала, мы всѣ плакали. Воззваніе отъ 5-го тоже очень хорошо и также здѣсь въ большой похвалѣ; говорятъ, что писано на Польскомъ языкѣ. Кто-то его писалъ»?

Среди этихъ заботъ и волненій о миломъ отечествѣ, семейная жизнь все таки шла своимъ обычнымъ, мирнымъ порядкомъ.

XXVII) «Мальчики начали сего дня учиться у унтеръ-офицера Прусской экзерсиціи и безъ памяти довольны. Я это сдѣлала по совѣту Грефа, чтобы они выпрямились и были крѣпче и правда, что они очень дурно держутся съ съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь. Сего дня канунъ Рождества. Я ѣздила ко всенощной; теперь поздно, и я боюсь, чтобы не проспать обѣдни; я же такъ худо сплю по ночамъ и днемъ не могу уснуть».

Я писала въ томъ же унылымъ духѣ, какъ матушка.

XXVIII) „25 Декабря 1830 (6 Генваря 1831).

Начинаю поздравленіемъ съ праздникомъ сегодняшнимъ. Не скажу ничего о моемъ дурномъ настроеніи духа; зачѣмъ печалить васъ моими idées noires? Но хочу извиниться, что вчерашнее письмо было такое короткое; я уже говорила вамъ, что некогда было, а главная причина тому, былъ совершено потерянный вечеръ. Прошлое воскресенье матушка взяла меня съ собою къ м-me Мейендорфъ, и Боже мой, какъ мнѣ было скучно! Молодыя дѣвушки здѣшнія въ самомъ дѣлѣ миленькія, т. е. миловидны, какъ сказывалъ вамъ кто-то. Но зная, что я не говорю понѣмецки, не сказали однако ни одного слова на другомъ языкѣ, такъ что я не могла вмѣшиваться въ разговоръ; *это* никогда не дѣлается у насъ съ иностранкой. Впрочемъ потеря небольшая; я понимала все что говорилось, и что за разговоръ! «Гдѣ вы были вчера?» «такая-то дама была такъ-то одѣта», «на другой было такое-то платье».... и все тому подобное. Почта не пришла въ то утро. Я спросила у одной Русской дамы: «не получила ли она, можетъ быть, письма? Можетъ быть, мы только не получили».—Она отвѣчала холодно, что изъ Москвы только получала письма, а никогда изъ Петербурга. Одинъ служащій при нашемъ посольствѣ, сказалъ: «въ два часа, когда я оставилъ канцелярію, почта еще не пришла; а когда я выхожу изъ посольства, я стараюсь и не думать о немъ.» И это въ такое время, когда всякую минуту кровью обливается сердце, думая о томъ что происходитъ. Могутъ ли эти люди сочувствовать со мною? И могу ли я находить удовольствіе въ ихъ разговорѣ? Зачѣмъ, скажите, вы находите, что хорошо для меня выѣзжать въ свѣтъ? Неужели вы думаете, что это можетъ быть весело? Въ тысячу разъ лучше мнѣ было съ Гаврилой и Дадой. Поклонитесь имъ отъ меня и поздравьте съ новымъ годомъ..... Наконецъ, замѣтивъ вѣроятно мою скуку, м-мъ Папенгеймъ, съ которой я нѣсколько знакома, дала мнѣ альбомъ съ видами Рейна. Я ужъ и такъ была не въ духѣ, а когда я дошла до вида замка рыцаря Brömmer въ Рюдесгеймѣ, мой любимый видъ, послѣдній который я рисовала на урокѣ Ѳедорова, я вспомнила то время, когда мы тамъ были, когда мы съ вами стояли на старомъ балконѣ, разговаривая о бѣдняжкѣ, которая бросилась въ рѣку.... и вотъ книга, видъ, общество при-

торныя Нѣмецкія барышни[59]), все исчезло, мнѣ не видать было ничего, потому что глаза покрылись густой завѣсой слезъ, и я еле могла ихъ удержать. Теперь я знаю по опыту, что̀ значитъ пѣсня, надъ которой мы смѣялись: «*Сижу одна во компаніи*». Мнѣ тажъ грустно, что лучше прервать письмо. Однако скажу вамъ: какъ нравится мнѣ манифестъ!»

Это послѣднее письмо 30-го года, которое нахожу въ нашихъ бумагахъ. Годъ кончался нестерпимо тяжело. Все, казалось, рушилось въ политическомъ мірѣ. Россіи грозила опасность, уже загоралась война междоусобная, худшая и злѣйшая изъ всѣхъ войнъ. Французскія газеты всѣхъ оттѣнковъ, которыя мы усердно читали, расходясь между собою во всѣхъ отношеніяхъ, согласны были въ одномъ: въ сочувствіи къ Польшѣ, въ ненависти къ Россіи. Въ Германіи, вся либеральная печать была на той же сторонѣ. Въ самомъ обществѣ Берлинскомъ была цѣлая Польская партія около дома Радзивиловъ, котораго глава, князь Антонъ, былъ женатъ на Прусской принцессѣ Луизѣ, родственницѣ, кажется, двоюродной сестрѣ короля. Это родство, ихъ огромное богатство, красота и успѣхи въ свѣтѣ ихъ старшей дочери Елизы, ставили Радзивиловъ въ какое-то особенное положеніе, и около нихъ составилось что-то въ родѣ маленькаго Двора, со всѣми увлеченіями, страстями, ненавистью, свойственными политической партіи. Такова была наша обстановка. Разлука съ отцемъ, опасность, въ которой онъ находился отъ холеры, неисправность почтъ, разстоянія не сокращенныя тогда ни желѣзными путями, ни телеграфомъ, все это умножало заботы, безпокойства и томительную тоску, которая одолѣвала въ промежутки между полученіемъ каждаго письма; а извѣстія, самыя искаженныя, самыя злонамѣренныя, долетали ежеминутно изъ Wilhelmstrasse, гдѣ былъ палацъ Радзивила. И тѣмъ больнѣе, тѣмъ несноснѣе было все это, что мы во всю жизнь привыкли смотрѣть на Поляковъ какъ на Русскихъ, даже на Поляковъ подданныхъ Пруссіи, или Австріи; ибо большею частью они были такъ называемые смѣшанные подданные.

Не дай Богъ переживать еще такую пору!

Зимній Дворецъ.
1871

---

[59]) Я послѣ коротко познакомилась и очень полюбила многихъ изъ этихъ барышень, которыхъ разговоръ показался такой глупый, съ непривычки къ пустому говору салонному, въ которомъ обмѣниваются не мыслями, а только словами при первой встрѣчѣ. Это поражаетъ всегда новаго человѣка съ перваго раза. Недавно моя маленькая племянница, 12-ти лѣтняя, воротясь изъ гостинной матери, куда дѣтей призывали по Англійскому обычаю послѣ обѣда съ гостьми, сказала въ недоумѣніи своей нянѣ: „Я бъ хотѣла знать, не ужели у меня будутъ такіе глупые разговоры, когда я буду большая? Всѣ эти гостьи только и говорятъ что о платьяхъ и нарядахъ, и даже мужчины тоже.“

Такимъ образомъ второе поколѣніе тоже удивляется, какъ мы; что значитъ свѣжій глазъ и свѣжій умъ! И племянница моя, маленькая Анюта, перестанетъ удивляться и недоумѣвать, какъ я перестала: она свыкнется, а можетъ быть и слюбится съ такими разговорами.—„Tutto il mondo è come la nostra famiglia“ (Цѣлый свѣтъ похожъ на насъ).